

Александр Пушкин

A. F. Lemaitre sculp. — Imp. F. Chardon aîné Paris

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗДАНІЕ Я. А. ИСАКОВА.

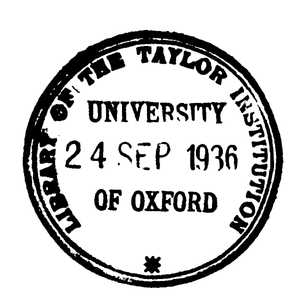
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 11 Сентября 1859 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

Для предлагаемаго нами публикѣ новаго изданія сочиненій Пушкина и передачи возможно полнаго и точнаго текста, мы имѣли готовый матеріалъ въ послѣднемъ изданія П. В. Анненкова. Не измѣняя принятый порядокъ расположенія произведеній Пушкина по отдѣламъ и годамъ, какъ совершенно основательный и удобный, оставалось извлечь и размѣстить по назначенію разные отрывки и дополненія, помѣщенные въ первомъ и седьмомъ томахъ этого изданія. Этотъ трудъ и вообще подготовку и распорядокъ нашего изданія принялъ на себя Г. Н. Геннади.

Относительно редакціи и ореографіи принято въ руководство тоже изданіе П. В. Анненкова, съ прибавленіемъ немногихъ вставокъ изъ послѣднихъ изданій, вышедшихъ при жизни поэта. Нѣкоторыя заглавія, данныя самимъ Пушкинымъ и отброшенныя въ посмертныхъ изданіяхъ, возстановлены у насъ. Нѣкоторыя имена, какъ въ заглавіяхъ, такъ и въ текстѣ, замѣненныя до сихъ поръ начальными буквами и точками, напечатаны у насъ вполнѣ и на основаніи точныхъ указаній. Это, намъ кажется, не только не составляетъ нарушенія, или искаженія текста, но и значительно облегчаетъ чтеніе и пониманіе стиховъ, по крайней мѣрѣ для большинства, которому эти имена были неизвѣстны. Для бóльшаго также удобства при

чтенія и облегченія справокъ о различныхъ редакціяхъ — мы помѣстили подъ самыми пьесами: 1) помѣтки о времени и мѣстѣ написанія пьесъ и 2) варіанты, какія мы нашли въ прежнихъ изданіяхъ.

Не имѣя права на перепечатку любопытныхъ Матеріаловъ и Примѣчаній П. В. Анненкова, мы могли только воспользоваться ими для необходимыхъ объясненій о значеніи нѣкоторыхъ пьесъ, или поводахъ и лицахъ, для которыхъ они писаны и для приведенія въ извѣстность прежнихъ редакцій и изданій этихъ пьесъ. Съ этою цѣлью издаемъ въ особомъ приложеніи: *Библіографическій списокъ сочиненій Пушкина*, который составилъ для нашего изданія Г. Н. Геннади. Въ немъ указаны, гдѣ и когда каждое произведеніе было до сихъ поръ напечатано, переданы мѣста и стихи, выпущенныя и отброшенныя Пушкинымъ и находящіяся въ прежнихъ изданіяхъ, или въ рукописяхъ, разобранныхъ П. В. Анненковымъ и сообщены нѣкоторыя необходимыя объясненія и замѣтки.

Что касается до *писемъ* Пушкина, не вошедшихъ въ это изданіе, то имѣется въ виду собраніе ихъ и изданіе особымъ дополнительнымъ томомъ. По этому случаю просимъ покорнѣйше желающихъ содѣйствовать этому предпріятію и имѣющихъ у себя письма Пушкина — сообщить ихъ намъ.

Издатель Яковъ Исаковъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1814 г.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой, —
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустынѣ глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!...

. . . .

И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,

И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато —
Чернецъ я не богатый —
Въ подарокъ *пукъ стиховъ*.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь,
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль,
И съ нѣжностью лелѣя
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой,
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,

Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пичини иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобой,
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвелъ душой,
Какъ ясный вѣшній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчь сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья
И скука на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый
И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломянна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было бы со мною,

Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлеченъ въ даль судьбою
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Явился заключеннымъ,
На вѣки погребеннымъ —
И скрипнули врата
Сомкнувшися за мною;
И міра красота
Одѣлась черной мглою!...
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы,
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинувъ позлащенной
Сквозь узкое окно;
Но сердце омраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ —
Близъ келіи встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь....
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!
Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ

Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ,
Спѣша на новоселье....

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенькахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ — и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою на вѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Что если Аполлонъ
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй,» скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэтъ.»

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто рифмы плесть умѣетъ
И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава Россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь,
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь ли что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты.
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —

Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава — сонъ.

Ты кажется, теперь задумался немного.
«Да что же, говоришь, и судя всѣхъ такъ строго *),
Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
Ты о поэзіи со мною толковалъ,
А самъ поссорившись съ Парнасскими сестрами,
Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
Что сдѣлалось съ тобой? въ умѣ ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми,
Отшельникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ —
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попалися ему навстрѣчу мужики:
«Послушай, Батюшка», сказали простяки:
«Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
«И вѣримъ мы тебѣ, да чтожъ сегодня самъ?...»

*) Въ Вѣстникѣ Европы:
«Да что же говоришь, судя о всѣхъ такъ строго.»

«Послушайте,» сказалъ .... мужикамъ,
«Какъ .... васъ учу, такъ вы и поступайте.
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте.»

И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ;
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ не піитъ!

Но полно разсуждать — боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ — хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

КОЛЬНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ОССІАНУ.)

(Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, при-

гласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара).

Источникъ быстрый Коломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой мшистый брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
Шумящей прохлажденъ осиной.
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полки враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черный вранъ стрежетъ.
Гряди — и тамъ гдѣ ихъ не стало,
Воздвигни памятникъ побѣдъ.»
Онъ рекъ и въ путь безвѣстный, дальной
Пустился съ Бардами Тоскаръ,
Идетъ во мглѣ ночи печальной,

Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины Сонны.
Воспѣли Барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечь,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ позднимъ временамъ!
Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлегши подъ надежный кровъ,
Воспомнитъ вѣки отдаленны
Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алыя денницы
Лучами солнца пробужденъ,
Онъ узритъ мрачныя гробницы....
И грознымъ видомъ пораженъ
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ лѣтами согбенъ,

Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилищѣ Кольны молодой,
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.
. . . .
Близъ пепелища всѣ возсѣли;
Веселья Барды пѣснь воспѣли;
И въ пѣнѣ кубокъ золотой
Кругомъ несется чередой.
Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ:
Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ —
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.

Но вотъ ужъ дубъ престалъ дымиться,
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.
. . . .
. . . .
Рѣдѣетъ ночь — заря багряна
Лучами солнца вожжена;
Предъ ней златится твердь румяна:
Тоскаръ покинулъ ложе сна.
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ,
Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенней полунощи
Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
Выходитъ ратникъ молодой.
Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу воружаетъ,
Надвинутъ на чело шеломъ,
И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
Ужель и въ сей странѣ война
Багритъ ручьевъ струисты волны?
Но все спокойно — тишина
Окрестъ жилища нѣжной Кольны.» —
— «Спокойны дебри Каломоны,

Цвѣтетъ отчизны край златой;
Но Кольна тамъ не обитаетъ; —
И нынѣ по стезѣ глухой
Пустыню съ милымъ протекаетъ,
Плѣнившимъ сердце красотой!» —
— «Что рекъ ты мнѣ, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ —
Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
Что зритъ онъ съ сладкимъ восхищеньемъ?
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ....
Лилейна обнажилась грудь
Подъ грознымъ дышуща покровомъ....
«Ты ль это?» возопилъ герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
И Кольну видитъ предъ собой. —

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью, на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ, унылы трели
Повторялъ въ глуши долинъ....

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ Фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ виномъ налитый
У Сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсеньки ночной,
Въ ладъ качая головой. —
— «Дни, протекшіе въ весельи!
(Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы какъ тѣнь отъ глазъ исчезли,
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда во мракѣ нощи,
При таинственной лунѣ,
Въ темну сѣнь прохладной рощи,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!»

«А теперь мнѣ жизнь — могила
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ....
Хлоя другу измѣнила!...
Я для милой.... ужъ не милъ!...»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ — и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна
И колышитъ павиликой
Тихо-вѣющій Зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является Сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ еребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:
«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри жъ какъ сокъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: — стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»
— И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ все до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ!
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился —

И несчастный.... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатиръ, меня,»
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить.»
— Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови;
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди жъ теперь съ похмѣлья
Съ Купидономъ помирись;
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись!

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ?
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь, —
Хоть не радъ, но дверь отворишь,

Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости любовь!
За богинею слѣпою,
Не за Хлоей полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумной
Оглянулся.... и Эротъ
Постучался у воротъ.

Нѣтъ! мнѣ видно, не прійдется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣсть жизни нить
Старой Паркой *тамъ* прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Веселиться — мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужъ воротъ.

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ;

Сѣдова времени не страшна ей обида:
Она не смертный человѣкъ;
Но я покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

КРАСАВИЦѢ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей —
Возможно ль, милая Климена?
Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длиный носъ изсохшею рукой;
Пускай младой драгунъ усатый,
Поутру сидя у окна,

Стаканы сушитъ всѣ до дна,
И чтобъ прогнать остатокъ сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Чаёкъ въ-прикуску попиваетъ,
Съ Сарептскимъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ.... о пылъ воображенья!
Ахъ! если бъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь....
Но, что? мечта, мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
О доля человѣка злая!
Ахъ!... отчего я не.... табакъ!

ПИРУЮЩІЕ ДРУЗЬЯ.

Друзья! досужій часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шипи шампанское въ стеклѣ!
Друзья! почто же съ Кантомъ

Сенека, Тацитъ на столѣ
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ!
Мы полемъ овладѣемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ —
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!

На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистой;
А вамъ, Спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Защитникъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери —
Будь нашимъ президентомъ.

Дай руку, Дельвигъ! Что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный,
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латинью усыпленный.
Взгляни! Здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита.
За здравье нашей Музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный! По рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!

А ты, красавецъ молодой,
 Сіятельный повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
 На прочее — завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
 Но скромность почитаю;
Придвинь же пѣнистый стаканъ:
 На брань благословляю.

Товарищъ милый! Другъ прямой!
 Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
 Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
 Не рѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
 И тотчасъ помиримся.

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
 Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
 Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
 Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ;
 Разсудокъ, Богъ съ тобою!

А ты, повѣса изъ повѣсъ,
 На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
 Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ

За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ —
И пить давайте снова.

Приближься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется;
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.

Не лучше ль, Роде записной,
Въ честь Вакховой станицы,
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли?... Это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.

Но что, я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ....
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:

Вильгельмъ! прочти свои стихи —
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

КЪ П. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправитъ *счастье* паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно,
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ *любовью*, *дружбой* неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь *я*, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ?
За чашей пунша круговою
Подъ часъ воспомнишь обо мнѣ;
Когда жъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),

Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ....
Ты спишь, дитя, мое мученье....
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей. *)
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ вина моя!
Меня на вѣки ты забудешь....
Но не забуду я тебя.

*) Въ Памятникѣ Музъ: «Къ груди ужъ не прильнешь моей.»

Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! Будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій....
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... Позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Проступокъ мой, твой рокъ ужасный, *)
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! Горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней.

Но вдругъ за рощей освѣтила,
Вблизи ей, хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Съ волненьемъ сына ухватила,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой;

*) Въ Памятникѣ Музъ: «Законъ неправедный, ужасный.»

Со страхомъ очи отвратила —
И скрылась въ темнотѣ ночной.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ *) златострунной
Умолкнулъ радости пѣвецъ?
Уже ль и ты, мечтатель юной,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
Межъ кудрей вьющихся златыхъ,
Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный, счастливый **) началомъ,
Цвѣтовъ Парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни Россійскій.
Пой, юноша! Пѣвецъ Тіискій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:

*) Въ Росс. Музеумѣ: «на лирѣ.» **) «Счастливымъ».

Пѣвцу любви любовь награда.
Настрой же лиру, по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладострастными стихами,
И тихимъ шепотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови.
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби — и пой ее на лирѣ.

Когда жъ къ тебѣ въ досужій часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселой,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.
Поэтъ! Въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,

Съ Жуковскимъ пой кроваву брань,
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ Россъ, питомецъ славы, палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва скошенный, не увялъ!

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ,
Шутя показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ *) покоѣ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ **) поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать....
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту
Что Висковатовъ не впопадъ

*) Въ Росс. Музеумѣ: «Рушенномъ». **) «Безсмысленныхъ».

Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену,
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ,
И жилъ безъ горя, безъ заботъ
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего,
«Гдѣ всѣ чудовища геены —
На жертву агнцы обреченны»,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что? цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости — но помни мой совѣтъ:
Доколѣ Музами любимый,
Ты Піэридъ горишь огнемъ,
Доколь сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ!

1815 г.

ГОРОДОКЪ.

(къ * * *.)

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухъ-лѣтнее молчанье;
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
. . . .
. . . .
. . . .
Но слава, слава Богу!

На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли —
Стыжусь — столь долго мной,
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шуму вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;

На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучной;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится....
Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ — Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ — сладко спитъ.
На Рифмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,

Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ — мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ —
Скажу ль?... Отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Грацій —

Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ!
Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться....
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонвизинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно

Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.
Кладбище обрѣли
На самой нижной полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однимъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну,
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена Русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньи....
Не трудно отгадать;
Такъ, это сочиненьи,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ Музъ,

Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту —
И ты, ...
. . . .
. . . .
. . . .
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальи далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ!
Тутъ вижу я съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ.
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,

Играютъ въ кубари.
Но назову ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой!
О ты, высотъ Парнасса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ — Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право не знатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.
О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари

Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ, —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьмётъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»
Но ею мнѣ ль гордиться?... *)
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ,
Какъ знать, и мнѣ быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью:
Съ моей, быть можетъ, тѣнью,

*) Въ Росс. Музеумѣ: «Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?»

Полунощной порой,
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать пріидетъ
И, мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.
  Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить на вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвелъ,
Мой горестный удѣлъ?...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной!
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,

На вѣтряныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! Въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Лiющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!...
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимой!.
Не слышитъ плачъ и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!
 Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?
И въ грусти томный духъ

Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной
Оставя злакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужій мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаёкъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,

Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ —
Старушка все разскажетъ.
Межъ-тѣмъ какъ юпку вяжетъ,
Болтаетъ все свое,
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни рифмы Удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!
Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,

Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душею
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ Тобою,
. . . .
. . . .
Какъ папа, Іудеевъ
Я вовсе не люблю,
. . . .
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.
. . . .

КЪ ПУЩИНУ.

Любезный имянинникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой,
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися

Съ параднаго крыльца :
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку.
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ,
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ заб авахъ лишь однихъ.
Ты счастливъ, другъ сердечный!
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ Грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ жрецомъ;
Не видишь у порогу

Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ —
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Прійдется замолчать....
Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
«Вотъ кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!»

КЪ ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый рифмотворъ,
Повитый макомъ и крапивой,
Холодныхъ одъ творецъ ретивой,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать генерала;
О Галичъ, вѣрный другъ бокала

И жирныхъ утреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнивой.
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Остротъ и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ Жиду З—еву,
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое.
И хлынетъ пиво золотое,
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ,
И мигомъ стѣны разгромимъ;
Когда жъ, виномъ отягощенный,
Съ главой въ колѣни преклоненный,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
И вдругъ, спускаяся въ подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый, бархатный диванъ,

Тогда посланія, куплеты,
Баллады, басеньки, сонеты
Покинутъ скромный нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!
Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И въ кельѣ снова пиръ горой.
О Галичъ! время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ!
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятной,
Татарскій сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя Музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ Музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?

Уже ль уединенья
Не милъ тебѣ покой?
Уже ли мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ, мой сосѣдъ,
И ты отъ Музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился!
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокалъ
Намъ Бахусъ подавалъ.
Бѣгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.

Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покамѣстъ сонъ прелестной,
Подъ сѣнью тихихъ крилъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьи
Въ постелѣ я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы,
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ, —
Скажи, среди столицы
Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Уже ль прiютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Уже ль въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжiй Аполлонъ
Партеромъ полуумнымъ
Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или мудрецъ придворный,
Съ улыбкою притворной

Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ.
Другъ мудрости прямой,
Правдивъ и благороденъ,
Онъ любитъ тишину.
Судьбѣ своей послушной,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно.
Рублямъ откупщика,
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной,
Когда сей богъ младой
Вечернею порой,
Лафитъ и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ,
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ,
Качаясь на ногахъ.
Мечтанье обнимая
Любовь его ведетъ,

И дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылахъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ *мозель* разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безрифминымъ лихимъ!

Оставь же городъ скучной,
Съ друзьями съединись,
И съ ними неразлучно
Въ пустынѣ оживись,
Бѣги, бѣги столицы.
О Галичъ мой, сюда!
Гдѣ розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,
Съ Тибурскимъ мудрецомъ
Мы часто за бокаломъ
Проснемся — и заснемъ;
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ Лиліи куплетъ, —

И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ —
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать;
Намъ жизни дни златые
Не страшно расточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ,
Съ волшебницею — славой
И съ Вакхомъ молодымъ.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, Музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ,
Жилецъ полей пустынныхъ!
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ

И съ музами сосваталъ;
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ —
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому.
Да я жъ и виноватъ,
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
«Смотрите — вотъ поэтъ!»
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь станутъ, въ посмѣянье,
Указывать перстомъ.
Измѣнникъ, съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено,
Увы, мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану.
Предатели-друзья,
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ

Съ улыбкой остряки.
«Ахъ сударь! мнѣ сказали,
Вы пишите стишки?
Увидѣть ихъ нельзя ли?
Вы въ нихъ изображали,
Конечно, ручейки,
Иль тихій вечерочекъ
И рощи, и цвѣтки....»
О Дельвигъ! Начертали
Мнѣ Музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я право нѣги сынъ!
А тамъ хоть нѣтъ охоты,
Но прійдутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться....
Помилуй, Аполлонъ!

КЪ БАТЮШКОВУ.

В пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.

Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею, рано
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хоть игралъ,
Но Музамъ не скучалъ.

А ты, пѣвецъ забавы,
И другъ Пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота, скудный даръ
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ Ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать не даромъ,
Бреду своимъ путемъ:
Будь всякій при своемъ.

ИЗМѢНЫ.

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премѣны
Сладость вкусилъ,
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудь;
Въ новой сей долѣ
Счастливо будь.
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ;
Въ юности страстной

Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.
Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И — для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей.»

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ вожженный
Образъ Елены

Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочикъ
Ранней порой
Гонитъ листочикъ
Съ рѣзвой волной, —
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ.
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что же? — Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися
Радость очей,
Хладно тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь
Бѣдный пѣвецъ:
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ....
Такъ, до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова ищи!

Всѣми забытый,
Терномъ увитый
Цѣпи влачи....

КАЗАКЪ.

Разъ полунощной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки,
Выломанъ заборъ;
Здѣсь — дорога къ деревушкѣ,
Тамъ — въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы»
Думалъ хватъ Денисъ;
«Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались.»

Шевельнулъ Донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою, —
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ,
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву —
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.
Выйдь, коханочка, скорѣе,
Напои коня.»

— Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды. —

«Ахъ, небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна. —
«Радость, не страшись!»

«Вѣрь, коханочка, пустое,
Ложный страхъ отбрось!

Тратишь время золотое,
Милая, небось!»

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ!

Поскакали, полетѣли,
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

ВОДА И ВИНО.

Люблю я въ полдень воспаленной
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
Когда жъ вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите — кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?

Да будетъ проклятъ дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
Пускай не въ силахъ будетъ пить,
Или, стаканами владѣя,
Лафитъ съ Цымлянскимъ различить.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ....
Мы ждали драму золотую.
И что же? Дождались — и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.

2.

(ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.)

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что если бъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,

То даромъ двухъ я бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.

3.

Бывало прежнихъ лѣтъ герой
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ, онъ съ Музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ, —
Не дѣлалъ добраго, — однако жъ былъ душою
Ей Богу, добрый человѣкъ.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть,
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.

Прости на вѣкъ очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближтесь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И такъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя ли дернъ одѣть
Узорной, бѣлой пеленою?
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши,
Нельзя ль, устроя длинный ходъ,
Нести наполненныя чаши?
Зовите на послѣдній пиръ
Спѣсивой Семелеи сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши Музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди;
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно.

Не вспомню вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда жъ востокъ озолотится
Во тмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой —
Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона....
Простите, милые друзья!
Подайте руку до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье,
Пріиди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь и лиру:
Да будутъ Музы надъ тобой!
Ты не забудешь дружбы нашей
О Пу́щинъ, вѣтряный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! Вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью.
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!...
На тихій праздникъ погребенья,
Я васъ обязанъ пригласить.

Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона.»

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за лѣсомъ горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Безмолвна долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака;
Межъ ними луна золотая.

Чугунныя латы на холмѣ лежатъ,
Копье раздробленно, въ перчаткѣ булатъ,
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ
(Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ)
Лежатъ неподвижно — и мѣсяца рогъ
Надъ ними въ блистаньи кровавомъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь.
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь:
Онъ бранную голову клонитъ.

Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ,
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Съ надеждою робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
На холмъ онъ взобрался, и въ тусклую даль
Онъ смотритъ, и сходитъ, и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился,
Скрывался въ немъ черепъ.... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ лётомъ на холмъ
Взглянулъ — и главою склонился!

Ужъ путникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой,
Но утро денница выводитъ.
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.

СЛЕЗА.

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,

И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?»
Мой храбрый вопросилъ:
«Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ.»

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ, ужъ нѣтъ ее со мною!...»
Вздохнулъ и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И капнула въ бокалъ.
«Дитя! Ты плачешь о дѣвицѣ,
Стыдись!» — онъ закричалъ.

«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!...
Ты, знать, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!»

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(ИЗЪ ПАРНИ.)

Дитя Харитъ, воображенье!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья,
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной —
И взоры самой красоты.
Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи;
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно бы вздохнуть;
Представь мечту любви стыдливой —
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!

И на лилею
Намъ укажи.

СТАРИКЪ. *)

(ИЗЪ МАРОТА.)

Ужъ я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,

*) Въ Росс. Музеумѣ:
«Ужъ я не тотъ философъ страстной
Что прежде такъ любить умѣлъ,
Моя весна и лѣто красно
Ушли — за тридевять земель!
Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ;
Ахъ! если бъ я родился снова
Ужъ такъ ли бы тебѣ служилъ!»

Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской
Мечтаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышитъ бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной;
И Муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,

Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ.... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ позднiй часъ;
И смерти добрый генiй
Шепнетъ у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»
Такъ въ зимнiй вечеръ сладкiй сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вѣнчанный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни....

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сiяньи
Полумѣсяцъ молодой. *)

*) Первоначальная редакцiя:
«Темныхъ миртовъ занавѣса

Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ....
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ *)
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться;
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани

Наклонилася къ водамъ;
Въ ихъ сѣни, у края лѣса, —
Чью гробницу вижу тамъ?
Розы юныя алѣютъ
На покрытомъ камнѣ мхомъ;
Лавры цвѣтъ любви лелѣютъ,
И Зефиры ихъ не смѣютъ
Свѣять трепетнымъ крыломъ.»

*) «Други! Други! Въ сладкомъ мирѣ,
Здѣсь Теоскій спитъ мудрецъ!
Посмотрите: на гробницѣ
Сынъ отрадъ изображенъ;
Здѣсь на вѣтряной цѣвницѣ
Рѣзвый нашъ Анакреонъ,
Красотой очарованный,
Нѣжно гимны ей поетъ;
Виноградомъ увѣнчанный
Въ чашу сокъ его ліетъ.»

И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и Музы, и Хариты,
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты
Игры, вслѣдъ за нимъ пошли.... *)
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

---

*) «Вотъ и Музы, и Хариты,
Пригорюнившись сидятъ,
Плющемъ, розами повиты,
Кажется въ слезахъ твердятъ:
Онъ исчезъ, какъ наслажденье....» и проч.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!... Русскій Царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою. —
Бѣжитъ.... и смерти громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ.... и вновь возсталъ.... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый Царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечь извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну Свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца,
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ Отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ! — раздался кликъ, и вихремъ понеслись;

Знамена восшумѣвъ по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!....
А я.... вдали громовъ, въ сѣни Твоей надежной....
Я тихо расцвѣталъ безпечной, безмятежной!
Увы! Мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ Тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О сколь величественъ, безсмертный, Ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Уже ль свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
Кто Смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?...»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя—Спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ Тобой!...
И нынѣ Ты къ сынамъ, о Царь нашъ возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на Свой народъ смиренья полный взглядъ:

Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И Ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ Твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забылъ Екатерины,
Взираетъ на Тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій Царь! Оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечь войны, и щитъ — ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу;
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И прійдутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окриленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ Славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго Царя въ слезахъ благословитъ.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина.
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ сѣдой, одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ во тмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Свирѣпо прошепталъ:
«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....
О, скоро ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?...
Волнуйся ночь надъ Эльбскими скалами,
Мрачнѣе тмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За Гальскими орлами,

Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низергну я горами, *)
И сокрушу Европы дивный щитъ!
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море чолнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ....
О счастье! Злобный обольститель!
И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вкругъ меня,
И слава, въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!...
Полнощи Царь младой! Ты двигнулъ ополченья —
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ — позоръ и заточенье!

*) Въ Сынѣ Отеч. «громами.»

И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злакѣ мечь забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудятся мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный слухъ;
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И, взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! Твой бичъ возсталъ — и все падетъ во прахъ,
Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Царемъ возсяду на гробахъ!»

Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на Западъ изливалъ;
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла сокрыла
Лице пылающей зари,

Простерлась тишина надъ бездною сѣдою.
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло.... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.
Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Алеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,

На своды оперши́сь несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы Россской храмъ?

Не се-ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный Царскосельскій садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счасливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣщаетъ:
«Исчезло все, Великой нѣтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ

Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы во вѣкъ, о Русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать — есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечь въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя.
Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,

Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ — ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи....
Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной....
Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ вожжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за Царя.

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ; всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се — пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились — Русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный Галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель

Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель послѣдный.
О Бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ Галлъ Кремля!...

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни....
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни.
Москва! Сколь Русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и Царей,
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи —
Все мертво, все молчитъ....

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ — и въ тмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ Россовъ мечь.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, Галлы хищные! И вы въ могилы пали....
О страхъ! О грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

Въ Парижѣ Россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ —
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Достойный Внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянскій Бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, если бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесной

Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тмѣ временъ!

О Скальдъ Россіи вдохновенной,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой;
Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный [1]) лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы [2]) народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ; [3])
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ [4]) улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;

[1]) Въ Росс. Музеумѣ: «увѣнчанъ.»
[2]) Какъ ликторовъ полки....
[3]) Съ покорностью ему умильный мещутъ взглядъ
[4]) Ждутъ въ тайномъ трепетѣ....

И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ: [5])
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ? [6])
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ;
Ветулій Римлянъ царь!... О стыдъ, [7]) о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою, [8])

[5]) И дѣти малыя, и старцы съ сѣдиной
Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ и душой
И даже слѣдъ колесъ въ грязи напечатлѣнный
Какъ нѣкій памятникъ имъ кажется священный.
[6]) О Ромуловъ народъ! Предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?
Предъ кѣмъ возчуствовалъ столь низкій страхъ?
[7]) О срамъ....
[8]) Но кто подъ портикомъ съ руками за спиною
Въ изорванномъ плащѣ и съ нищенской клюкою,
Поникнувъ головой, нахмурившись идетъ?
Не ошибаюсь я, философъ то Даметъ,
Даметъ! куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой,
Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?
— Куда? не знаю самъ. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить ужъ больше не хочу,
Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу,
На вѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу.
Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
Отдавъ поклонъ мечтѣ, фортунѣ, суетамъ,

Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Дametъ!
«Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.»
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: [9]) законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, [10]) и честь и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть! [11])
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій: [12])
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, [13]) Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ! [14])
Я сердцемъ Римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!

Сѣдаго Стоика примѣромъ научиться
Не лучше ль поскорѣй со градомъ распроститься,

9) Гдѣ все на откупѣ....

10) И жены, и мужья....

11) Другихъ неопытныхъ въ любовну ловятъ сѣть.

12) Летитъ отъ старика любовь въ толпѣ веселій.

13) Вельможей рабъ....

14) Оставя ложе сна съ запѣвшимъ пѣтухомъ.
Отъ знатныхъ къ богачамъ бѣгутъ изъ дома въ домъ.

Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары, [15])
Въ деревню перенесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши [16]) уединенья.
И тамъ, расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, вожженномъ въ камелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ, [17])
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Прійдетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, [18]) сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани, [19])
И горы, и моря оставятъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ, его покроетъ мракъ глубокой;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,

[15]) Докучныхъ риторовъ, Парнасскихъ Геростратовъ.
Въ деревню пренесемъ отеческихъ пенатовъ.
Въ тѣнистой рощицѣ на берегу морскомъ.
Найти не трудно намъ красивый, свѣтлый домъ.

[16]) Въ тиши....

[17]) Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ
Въ гремящей сатирѣ порокъ изображу.

[18]) Дикіе.

[19]) Войны ужасный мечъ пріявъ въ кровавы длани.

Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ: [20])
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.»

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ

[20]) Речетъ, задумавшись, въ мечтаньяхъ углубленъ.

И вдаль, припѣвая,
Прилежно гладитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

. . . .

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манитъ,
Но путь къ нимъ опасенъ —
Бѣдняжку страшитъ.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево влѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей.

И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою —
И вишня твоя,
Но ахъ — что съ тобою
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ,
Нога ослабѣла,
Скользитъ башмачекъ.

. . . .

КЪ БАРОНЕССѢ МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать било.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли. — Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что было:
Уже я старъ, мнѣ не знакома ложь:
Такъ вѣрьте мнѣ — мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ;
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ —
Въ мои лѣта вы будете Венерой.
Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса,

И столько же краснорѣчивъ —
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ Латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
Чудесный, вовсе безъ искусства —
Не много истинныхъ похвалъ,
Но много истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
О, баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ.»
Когда жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму —
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталаму?

1815, 22 декабря.

1816 г.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Н. Ф. КОШАНСКОМУ.)

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ бахическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ ветряныхъ стихахъ.
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены
Для самаго себя, для друга,
Да для Темиры молодой:
Помилуй, сжалься надо мной!
Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За рифмой часто холостой
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *аетъ* и на *ой*.

Еще не многія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры, рифмы, восклицанья,
Для смысла, лишнихъ три стиха;
Не хорошо; но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что лѣнью жертвуя стихамъ,
Объятый стихотворной думой,
Встаю.... бѣснуюсь по ночамъ;
Что засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трехстопный вздоръ....
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Конюшій дряхлаго Пегаса,
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнасса,
Родитель стареньких стиховъ,
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ!...
. . . .

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель
Я съ музой нѣжусь молодой....
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;

Давно пропѣли пѣтухи!
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой —
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю извиненья
Не много сонною рукой,
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной.
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестной
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньи,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
Стихи текутъ и такъ и сякъ.
Возможно ли въ свое творенье,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?
. . . .
Нашъ другъ Шамфоръ, Шолье, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ бывало въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали.
О вы любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ Музы праздности счастливой;

Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой,
На верхъ Өессальскія горы
Вели васъ тайные извивы!
Веселыхъ грацій перстъ игривой
Младыя лиры оживлялъ,
И ваши челы обвивалъ
Дѣтей Паѳоскихъ рой шумливой!
И я — неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ риѳмъ наслѣдникъ,
За вами крадуся во слѣдъ....
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другова,
И брось лѣнивца молодова,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй чѣмъ Вольтеры
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры —
Тебѣ привѣтливый поклонъ
Любви вѣнокъ и лиры звонъ!....

Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ,
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ,
Всего.... но лишь извѣстной мѣры.
Я вижу, хмурится Зенонъ,
И вся его сѣдая свита.
И мудрый другъ вина, Катонъ,
И скучный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: Ты лжешь, профанъ, мученье —
Прямое смертныхъ наслажденье!
Друзья, согласенъ! Плачъ и стонъ
Стократъ конечно лучше смѣха;
Терпѣть великая утѣха,
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
Но мнѣ онъ, слышите ль, не нуженъ,
Затѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ.
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ,
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый резсерженъ;
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ лишь времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной,
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),

Невольникъ робкій и покорной,
Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: все призракъ, ложь и сонъ,
И мудрость, и народъ, и слава.
Что жъ истинно? Одна забава,
Повѣрь, одна любовь не сонъ!
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею.... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межъ тѣмъ на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ нѣгу презирая,
Одинъ всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ, —
И воду черпая рукою,
Не могъ *зачерпнуть* счастья онъ.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! Пріиди, подай мнѣ руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ.
Скажи, увижу ли? на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ *)?

*) Въ Сѣв. Наблюдателѣ: «Я рокомъ осужденъ.»

Уже ли никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
Уже ли никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?

Эльвина! Почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья
Твой шепотъ сладостный и томный *) стонъ внимать,
И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
Близъ милой засыпать?

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

Пейте за славу,
Славы друзья!

*) Въ Сѣв. Наблюд. «тихой».

Бранной забавы
Любить нельзя;
Это веселье
Не веселитъ!
Дружбы похмелье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба,
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Климены
Ласки — бѣда!
Токъ Иппокрены —
Други, вода!

Пейте за радость
Юной любви.
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью — за вино!

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

I.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею
Красавица цвѣтетъ,
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ —
Все юность измѣняетъ.
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ:
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постелѣ скромной
Застанетъ тихій сонъ
Съ волшебницей-мечтою,
И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о Филонъ!

II.

Кто тамъ въ пещерѣ темной
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной
Покоится съ тобой?
И такъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетомъ, смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицемъ
Ты дышишь упоеньемъ,
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ ліетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились
Гдѣ царствуетъ любовь....

III.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры

Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимецъ Купидона,
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ....
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали —
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой

Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль мракъ ночной
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманѣ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вѣшній вѣтерочикъ,
Летитъ она въ лѣсочикъ;
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышитъ,
И Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ старанья!
Ты Фавну суждена;
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:

Рѣка — ея могила.
Нѣтъ! Лила спасена.

V.

Эроты златокрилы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру
И мирныхъ селъ Венеру.
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти легкимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
Прости любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ:

Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!
Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь передъ нимъ,
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ смутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ, и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него....
«Ты ль это, братъ любезной?»
Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
«Въ какой странѣ безвѣстной
Я встрѣтился съ тобой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви. —
«Что слышу? Отъ Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бѣдокура
И ты боготворишь?
Возможно ль! Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,

И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII.

Кто жъ дерзостный владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
И такъ ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Спѣши любить, о Лила!
И снова измѣняй.

VIII.

Что Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнный?
Увы! онъ измѣнилъ.
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Палемонъ?

О Лила! Вянутъ розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И нынѣ терны рви.

IX.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разстался съ красотой,
И вслѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу пастушка бродитъ
Печальна и одна:
Кого же тамъ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ.
Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.

Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣня свой фіалъ,
Качая головою,
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ, Лила! Я въ покоѣ —
Другихъ, мой другъ, лови,
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся,
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлѣя страстью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало.... но, по счастью,
Что было — то прошло.»

ИСТИНА.

Недавно мудрые искали
Забытыхъ истины слѣдовъ,
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариковъ,
Твердили: «истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ.»
И дружно воду выпивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»

Но кто-то, смертныхъ благодѣтель
И чуть ли не старикъ Силенъ,

Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ,
И, осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Паѳосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона!
Онъ былъ тогда наполненъ
Свѣтлѣющею влагой;
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краешкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ пригорюнясь
На пѣнистую влагу.
«Что смотришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?»
Спросилъ я Купидона,
«Скажи, что такъ утихнулъ?
Иль хочется зачерпнуть

Тебѣ златаго соку,
Да ручка недостанетъ?»
— «Нѣтъ!» отвѣчалъ малютка:
«Рѣзвясь, я въ это море
Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
Все бросилъ ненарочно —
А плавать не умѣю.
Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
Достань мнѣ ихъ оттуда.»
— «О нѣтъ!» сказалъ я богу:
«Спасибо, что упали,
Пускай тамъ остаются,
Тѣмъ лучше для меня!»

СОНЪ.

(отрывокъ.)

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой,
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темной
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней амуры мнѣ не вьютъ:

Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ крѣпкомъ снѣ.
Прійди, о лѣнь, прійди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ — прійди жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!
А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! Дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.
Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безпечно,

Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными —
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спѣсь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ —
На скучный балъ разсѣянье летитъ....
О Боже мой! уже ли здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина:
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья;
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться

Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите, Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступитъ день, несчастный задыхаясь,
Крягтя ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постелѣ поползетъ;
И какъ же ночь, несчастный, проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! Сонъ ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья —
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой;
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.

Друзья мои! Возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ —
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
Веселья Богъ съ широкой, полной чашей —
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ.
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать — святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Берегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.
Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,

При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ, и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
Пусть далѣе продлится вашъ покой:
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.
Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ.
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ ужъ — и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ.
И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; Кандидъ изъ вашихъ рукъ
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ.
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;

Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины,
Чуть освѣщалъ глубокія морщины.
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало —
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней —
И въ вымыслахъ носился юный умъ....
Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.

Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнасса,
Въ ночной тиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ Музъ.
Я не герой, по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую.
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я не богачъ, и лаемъ песъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я не злодѣй; съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ головахъ.

НАѢЗДНИКЪ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Въ невѣрной темнотѣ тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ, лишь волнъ мятежный ропотъ

Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ.
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ воины летятъ,
Дубравы кровъ покинувъ зыбкой,
Усами грозно шевелятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи,
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно наклоненной
Къ тѣснимой горестью груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ молча ѣдетъ впереди.
«Пѣвецъ угрюмый, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Уже ль, невольникъ праздной нѣги,
Отраднѣй сонъ твоихъ полей,
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?
Стезя войны пускай опасна,
Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
Тебѣ ли въ полѣ смерть ужасна?
Но ты средь боевъ не блѣднѣлъ:

Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
Твой голосъ наши битвы пѣлъ,
А нынѣ ты въ уныньи дикомъ,
Какъ робкій ратникъ онѣмѣлъ.»
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
Готовъ, готовъ ударъ желанный;
Предчувствую послѣдній бой.
Зоветъ меня конецъ жестокой;
Мы грозно ринемся въ огонь;
Ударитъ часъ — и одинокой
Въ долину выбѣжитъ мой конь!... *)

«О вы! которые костями
Сей ночью ляжете со мной,
Скажите: милая слезами
Вашъ усладитъ ли сонъ нѣмой?
Но я.... напрасно сердце дышитъ,

*) Эти четыре стиха въ рукописи исправлены такъ:
«Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
Влечу я съ братьями въ огонь;
Ударъ падетъ.... и одинокой
Въ долину выбѣжитъ мой конь.»

Настанетъ хладъ и тишина,
Эльвина скоро вѣсть услышитъ:
Онъ палъ!... и не вздохнетъ она.

«А вы, хранимые судьбами
Для тихихъ жизненныхъ отрадъ,
Счастливцы!... Милыя слезами
Благословится вашъ возвратъ.
За чашей сладкаго спасенья,
О братья, вспомните пѣвца, *)
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!...»

Умолкъ, и мчится въ бой кровавый
Уже не возвратился онъ:
. . . . . . На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Наѣздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣдній вспомянули разъ.

---

*) Здѣсь шесть стиховъ замѣнены въ рукописи слѣдующими:
«О вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ!
Любви безцѣнными слезами
Благословится вашъ возвратъ.
Въ минуты сладкаго спасенья,
О други, вспомните пѣвца!»

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнасса,
Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
Тебѣ, мой *дядя*, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ
Отъ рифмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы *дядя* мой и на Парнассѣ.

И такъ любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра — можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
Совсѣмъ неправъ пустынникъ рифмоплетъ;

Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами,
Но *старое* забудьте въ *Новый* годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ — *обѣщательныя* и *извинительныя*: первыя въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить блѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймитъ единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но.... надобно ли еще обѣщать? Простите вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичъ, конечно,
Меня забылъ давнымъ давно;

Но я люблю его сердечно,
За то, что любитъ онъ безпечно
И пѣть и пить свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось.... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву —
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленной!
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша герой!
Съ героемъ дивнымъ Албіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; неслышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью.... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,

Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О жизни сонъ, лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру — любя!

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ образомъ любовницы драгой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье.
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день,
А вкругъ меня глухое запустѣнье....
Ужъ нѣтъ ея.... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее — и гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ позвалъ ее въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;
Его струи медлительно текли:
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужъ нѣтъ ея!... До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;

**

Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится желтый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ охладѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели безпечныя забавы!
Забыты вы.... до сладостной весны!

ЭЛЕГІЯ.

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кому луны туманный лучъ
Въ полночи свѣтитъ сладострастно,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Во тьмѣ отворитъ дверь прекрасной!
Но мнѣ, въ унылой жизни, нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій.
Увялъ надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
Печально младость улетитъ;
Услышу старости угрозы;
Но я, любовью позабытъ,
Моей любви забуду ль слезы?

ОКНО.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно;
Дышать уныньемъ мой удѣлъ. —
Напрасно лѣтнею порою
Лобовникъ рощицъ и луговъ
Колышитъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ
И тихо тускнетъ небосводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ!...

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла.
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь,
Она съ волненіемъ глядѣла
На темный подъ холмами путь.
Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой

Окно открыла боязливо:
Луна покрылась темнотой....
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный ясень проницало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей. *)
Почто, минуты, вы летѣли

*) Въ рукоп. «возлюбленной моей.»

Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?...

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не тотъ.... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Ушла на вѣкъ, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе разсталося съ душой.
Отверженый судьбиною ревнивой,
Улыбку, смѣхъ, и рѣзвость и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы, бесѣдою шутливой
И нѣжностью души краснорѣчивой,
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
Все кончилось — и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать.
Чтобъ удалить угрюмыя страданья,

Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погасли мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Все кончилось, одну печаль я вижу:
Мнѣ страшенъ міръ, мнѣ скученъ дневный свѣтъ;
Пойду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
Во тьмѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до мѣсячныхъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету;
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!
Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,

Вы пѣли страсть — и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ на вѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.
  Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость,
Какъ утра лучъ, сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви, тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.
  Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу —
И мукою безсмертны вы своей!
  Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется ли души холодной сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье?
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю — онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру —
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся —
Да, помню все! Я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ вдаль.
Забудемся! Въ мечтахъ потонетъ мука.
Уныніе, губительная скука,
Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
Мою печаль усладой Муза встрѣтитъ.
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодной мракъ освѣтитъ.»

Какъ мало я любовь и сердце зналъ?
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и въ тайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною —
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну ли я — лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла....
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое.
И слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

УНЫНІЕ *).

Мой милый другъ разстался я съ тобою,
Душой уснувъ безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя далекій другъ ищу;
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голосъ слышенъ мнѣ.
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь тоски ты голосъ не забыла;
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе любви,
И слушая бряцанія твои
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы!

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего.

*) Это измѣненіе предъидущей піесы, сообщенное П. В. Анненковымъ по рукописи Пушкина.

Я видѣлъ гробъ — открылась дверь его :
Туда, туда моя надежда полетѣла....
Умру — и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ моихъ очей.

. . . .

Прости печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса,
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты утро — вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мірныя таинственнаго лѣса,
И все — прости въ послѣдній разъ!

СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира :
Ея прелестный, томный гласъ
Волшебной грустью нѣжитъ насъ,
Какъ ночью вѣянье зефира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой :
«Волшебенъ голосъ твой унылой ;
Но слово милыя моей
Волшебнѣй пѣсень, пѣтыхъ Лилой.»

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

СНУ.

Знакомецъ милый и старинной,
О сонъ, хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужъ покой
Въ безмолвной тишинѣ ночной.
Прійди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки грустный приговоръ;
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.

Когда жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

КЪ МОРФЕЮ.

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Прійди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?

Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья:
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Не пробужденный *).

---

*) Въ Сѣв. Наблюдателѣ слѣдующее окончаніе:

«Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь
Обвороженный,
И по утру
Вновь утомленный,
Пускай умру
Не пробужденный!...»

КНЯЗЮ ШАЛИКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И нынѣ въ юности прекрасной
Съ тобою вѣрныя сопутницы твои;
Бряцай, о трубадуръ, на арфѣ сладострастной
Ты гимны счастливой любви!
Пой сердца юнаго кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покровъ,
Стыдливости послѣднее роптанье,
И страсти торжество на ложѣ изъ цвѣтовъ!
Пой, въ нѣгѣ устремивъ на друга томны очи,
Тебѣ подвластныя красы,
Въ ея объятіяхъ исчезнувшія ночи —
Любви безцѣнные часы.
Но я — друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
Вотъ жребій мой — ему я слѣдовать готовъ.
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьи:

Докучной истины я поздній вижу свѣтъ.
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
Мечтѣ, шепнувшей : ты поэтъ,
И, презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывать куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я, трезвый, межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ : и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы :
И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на рифмахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся :
И полно мнѣ писать.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?... Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ :

Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю;
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею.....
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой любезный
Раздоръ смѣшной и безполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,

И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ,
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь....
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?

Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали, *)
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали вы?

Вздохнули ль вы внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ быть можетъ я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта беспечности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставитъ въ мірѣ слѣдъ: **)
Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый и славной —
Моя стезя печальна и темна.

*) Въ Сѣв. Наблюдателѣ: «Прискорбную ль улыбку замѣчали.»

**) Въ Современникѣ 1856, № 11, гдѣ впервые помѣщено это посланіе М. Н. Лонгиновымъ, этотъ стихъ читается такъ:
«И розно нашъ оставимъ въ жизни слѣдъ.»

И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай....
О сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!...

А мой удѣлъ — но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя — печальный мракъ ненастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ —
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя....

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ — осенняя заря.

Я зналъ любовь — но я не зналъ надежды; *)
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ....
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я — гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не прійдетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не прійдетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ —
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ?...

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ — униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье —
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

---

*) Въ Современникѣ: «но не знавалъ надежды.»

ЖЕЛАНІЕ.

Христосъ воскресъ! Питомецъ Феба,
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ, —
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало —
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ и больше серебра
И золота, et cetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И не покойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСЛАНІЯ Ю***.

I.

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово, оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

II.

Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лѣсахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненномъ,
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ.
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ

Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ,
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону:
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону —
И съ ними красную весну.

III.

Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темной
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной,
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Волтера, Виланда читать,
Или, въ минуту вдохновенья,
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья....
Вотъ здѣсь.... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ:
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ....
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи,
Гусаръ промчался подъ окномъ....
И гдѣ вы, мирныя картины

Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты....
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу.... вдали штыки сверкаютъ....

1817 г.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія, *)
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ Музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный, **)
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,

*) Карамзинъ.
**) Державинъ.

Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной.
Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ Варяговъ строй;
Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель *) хилый;
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ,
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ

*) Въ Сынѣ Отеч. «Стихосложитель.»

И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
Ретивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
А онъ — онъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ.
Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье Россіянъ, полуночное диво? *)
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась Грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ Рѣчахъ превознесенъ.
Явится Депрео — исчезнетъ Шапеленъ.
И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
Невѣжду пѣстуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,

*) Ломоносовъ.

Одни Славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую Музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И Русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.
И вы возстаньте же, Парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины — поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите! Пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.

Летите на враговъ — и Фебъ и Музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
Спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ....
Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть уже ль и мой удѣлъ?
Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ — что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай *бесѣдуютъ* отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава имъ же стыдъ, творенья смѣхъ уму —
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ увидѣлъ предъ собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни въ тайный путь, съ невинною душою,
Пустился плѣнникомъ мечты!
Наперснику боговъ безвѣстны бури злыя!
Надъ нимъ ихъ промыселъ: безмолвною порой
Его баюкаютъ Камены молодыя,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ пѣвца покой.
Стыдливой Граціи внимаетъ онъ совѣты
И, чувствуя въ груди огонь еще младой,

Восторженный, поетъ на лирѣ золотой:
О Дельвигъ, счастливы поэты!

Мой другъ, и я пѣвецъ! И мой смиренный путь
Въ цвѣтахъ украсила богиня пѣснопѣнья,
И мнѣ въ младую боги грудь
Вліяли пламень вдохновенья.
Въ младенчествѣ моемъ я чувствовать умѣлъ;
Все жизнью вкругъ меня дышало,
Все рѣзвый умъ обворожало,
И первую черту я быстро пролетѣлъ.
Съ какою тихою красою
Минуты дѣтства протекли!
Хвала, о боги, вамъ! Вы мощною рукою
Отъ ярыхъ грозъ мірскихъ невинность отвели.

Но все прошло — и скрылись въ темну даль
Свобода, радость, восхищенье!
Другимъ и юность наслажденье:
Она мнѣ — мрачная печаль!
Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ кровавой,
И низкой клеветы сокрытый ядъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой
Не буду ослѣпленъ. Пускай они манятъ
На край погибели любимцевъ обольщенныхъ!

Исчезъ священный жаръ,
Забвенью сладкихъ пѣсней даръ,
И голосъ струнъ одушевленныхъ!
Во прахъ и лиру, и вѣнецъ!
Пускай не будутъ знать, что нѣкогда пѣвецъ
Враждою, завистью на жертву обреченный,

Погибъ на утрѣ лѣтъ,
Какъ ранній на полянѣ цвѣтъ,
Косой безвременно сраженный!
И тихо проживу въ безвѣстной тишинѣ,
Потомство грозное не вспомнитъ обо мнѣ —
И гробъ несчастнаго, въ пустынѣ мрачной, дикой,
Забвенья поростетъ ползущей павиликой!

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью;
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Наперснику боговъ нестрашны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камены молодыя,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья,
Еще въ младенческую грудь,
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ;
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ,

Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ,
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ,
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

(ИЗЪ ПАРНИ.)

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время къ полночи придвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды....
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ
Замкамъ предательнымъ повѣря,
И я въ обители твоей!...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
По воспаленному дыханью

И жаркимъ, ласковымъ словамъ
Узнай любовника!... Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если бъ умирали
Съ блаженства, нѣги и любви....

УСЫ.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА.

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! Все тлѣнно подъ луною:
Какъ волны слѣдомъ за волною,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?
Умчала все временъ рѣка.

За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснится сурмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.

Чтобы не смять уса лихова,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавицъ и усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ,
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой,
Ты маешься одной рукой;
Въ восторгахъ нѣги сладострастной
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, гусаръ! Но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,

И черны кудри посѣдѣютъ,
И старость выщиплетъ усы.

Писано 3 марта 1817.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ
И слѣдъ ея — печали слѣдъ!
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ весельемъ окриленной,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,

И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

СТАНСЫ.

(ИЗЪ ВОЛЬТЕРА.)

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ протекши дни;
Съ моей вечернею зарею
Мое ты утро съедини.
Мой вѣкъ невидимо проходитъ
Изъ круга смѣховъ и Харитъ;
Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.
Не дастъ оно пощады намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ измѣнчивымъ годамъ,
Тотъ ихъ несчастья лишь имѣетъ.
Счастливцамъ рѣзвымъ, молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья —
Одно разсудку отдадимъ.
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей,
Любовь, мечтанья первыхъ дней!
Уже ль на вѣкъ вы убѣжали?
Намъ должно дважды умирать.
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:

Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что̀ значитъ послѣ не дышать?
На пасмурномъ моемъ закатѣ,
Среди пустынной темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты!
Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала:
Она любви подобна милой,
Въ одной лишь нѣжности была.
Я ей принесъ увядши розы
Отрадныхъ юношества дней,
И вслѣдъ пошелъ — но лилъ я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей!

СНОВИДѢНІЕ.

(ИЗЪ ВОЛЬТЕРА.)

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ.
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
Не долго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной подъ киверъ спрятавъ умъ
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ:
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
Душой безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ,
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.
Друзья, не много снисхожденья!

Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ И. И. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь....
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! Она прошла.... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

РАЗЛУКА.

(КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.)

Въ послѣдній разъ, въ сѣни *) уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ. **)
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья;
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?)
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

Лицей, 9 іюля 1817.

---

*) Въ Невскомъ Зрителѣ 1820: «въ тиши.»

**) И такъ онѣ прошли — лѣта соединенья,
И такъ разорванъ онъ — нашъ братскій, вѣрный кругъ!
Прости! Хранимый тайнымъ небомъ,
Не разлучайся, милый другъ,
Съ фортуной, дружествомъ и Фебомъ....

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
Взгляните на него — не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою —
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой;
То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей, волненья,
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ божества, а сердце не находитъ.
Настигнетъ ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обниметъ онъ измѣну,
И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну.
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастные страстей и немощей сыны,

Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ — невѣрный день; смерть — быстрое затмѣнье.
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ — говоритъ — назначенно свиданье.»
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ.... нѣтъ отвѣта!
Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?...
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Деліи его таится пепелъ милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожитъ — и между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжной.
Одна туманною луной озарена,

Какъ ангелъ горести является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ....
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ;
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ;
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ
Тревожится его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
«Счастливецъ, мыслитъ онъ, почто не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ и немощномъ, и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ?»
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ вождь унылый,
Несчастнаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

КЪ КАВѢРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи,
Люблю я первый, будь увѣренъ,

Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтряный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гуляй въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай роптанье: *)
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, Парнасскій мой отецъ,
Не ужъ-то вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера
Вотъ, кажется, святая вѣра

*) Въ Моск. Вѣст. «И черни презирай ревнивое роптанье.»

Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца *)
Но не на Г....у офицера,
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь, перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье —
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,
И къ Марину для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Кацитъ
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ,
Ты съ дипломатикой косой;
Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи,
И не съ гусарскаго корнета,
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнъ могучаго Мегмета,
И мужа модные рога,
Который, милостію Бога,

*) Д. В. Давыдова.

Министръ и сладостный пѣвецъ,
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога....
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшилъ запутанные споры,
Умѣлъ кто хитрости рукой
Переплетать между собой
Дипломатическіе вздоры,
И править нашею судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» *) онъ достоинъ;
Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла

*) Извѣстная неизданная сатира Кн. Горчакова.

Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на́-ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу....
......и счастіе глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всѣхъ, — а намъ
Уединенье и свободу.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ *).

Когда погаснутъ дни мечтанья,
И позоветъ насъ шумный свѣтъ —

*) Въ изданіи П. В. Анненкова, т. II, стр. 171 была сообщена другая, вѣроятно первоначальная редакція этой піески:

«Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
Кто вспомнитъ тайныя свиданья
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?
Позволь въ листкахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкій слѣдъ.»

Кто вспомнитъ братскія свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ?...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.

1817 года, при выпускѣ изъ Лицея.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида, другъ мой неизмѣнный!
Почему, сквозь легкій сонъ,
Часто нѣгой утомленный
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, въ любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взоръ недвижный, боязливый
Устремляешь въ темноту?
Почему, когда вкущаю
Быстрый обморокъ любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку прижимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей.
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно ль слезы проливать?
Вѣчно ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?

**

Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Тамъ объемлетъ вѣчный сонъ,
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Откровенной дружбы слезы,
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И блаженствомъ упоенный,
На груди твоей уснулъ.
Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви, невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не прійдетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая спящій день!

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(ИЗЪ ПАРНИ.)

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть;
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтряная младость

Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что отымется у ней.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ.
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
Вы пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки —
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И — слезы на глазахъ — со славою прощался!
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.

Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель....
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа....
Онъ приближается... вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! Полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши;
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ.....
Течетъ. Его младые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эроты, игры,
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой;
Плющемъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Во слѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ оступившись упадаетъ,
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ,
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена....
Вино струится, брызжитъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.

Но воетъ берегъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ Вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкія кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.

Поютъ неистовыя дѣвы;
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полные безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ,
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной

Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Къ ***.

Не спрашивай зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ?
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь,
И никого не называю милой —
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

27 ноября 1817.

КН. А. И. ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ : «въ отечествѣ моемъ,
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ»?
Отечество почти я ненавидѣлъ;
Но я вчера Голицыну увидѣлъ
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября 1817.

1818 г.

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтряныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,
Умѣй сносить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься; что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры....
Увы, языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души *) краснорѣчивой,

*) Въ Сѣв. Звѣздѣ: «Любви.»

Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой:
И счастливъ ты своей судьбой!
А я — повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній....
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ,
Украдкой Нимфа молодая,
Сама себя не понимая, *)
На Фавна иногда глядитъ.

КЪ М. Ѳ. ОРЛОВУ,

ОТСОВѢТОВАВШЕМУ МНѢ ВСТУПАТЬ ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
Любезность, разумъ просвѣщенной,
. . . . Русскій Генералъ,
Орловъ! Ты правъ: я покидаю
Свои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля суеты!
. . . .
И такъ, смиривъ свои желанья,

*) «Не постигая.»

Безъ доломана, безъ усовъ,
Я скроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ тѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ!
Надъ озеромъ въ покойной хатѣ,
Или въ травѣ густой луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ Бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ —
И буду ждать пока возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей,
И брани грозный вызовъ грянетъ,
Тогда покину міръ полей.
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ,
Орловъ! Я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и лирой боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ!

КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы,
Не долго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
. . . .

Нетерпѣливою душой
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья....
Пока надеждою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

ЭЛЕГІЯ.

О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ,
При коей сносны жизни бѣдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ.
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;
Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ,
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ МИХАЙЛУ АНДРЕЕВИЧУ ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Наденьку подъ вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный Страсбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ Пафосской вѣры
Проводитъ набожную ночь
Съ младой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ Инвалида;
Весь день веселью посвященъ,
А въ ночь вновь царствуетъ Киприда.
И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Съ амуромъ, шалостью, виномъ,
Покамѣстъ молоды и здравы?
Но дни младые пролетятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ,
Тогда безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ отраду, милый другъ,

Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
— И тихо улыбнемся оба.

Н. И. КРИВЦОВУ,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ВОЛЬТЕРОВОЙ ПОЭМЫ.

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даритъ
На скучный путь и на разлуку,
Вотъ эту книжечку Харитъ?
Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
Въ архивѣ шалости младой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лети во мрачный Альбіонъ!
Да сохранитъ тебя въ чужбинѣ
. . . . . . и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ Пената;
Но помни прежни дни свои:
Люби недѣвственнаго брата,
Страдальца чувственной любви.

2 Марта 1818.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалять,
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность,
И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ....
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца Музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,

Корысти хладныя лобзанья,
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шепотомъ подругу я назвалъ....
Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ....
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы,
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ....
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ!
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.
Пріиди, меня мертвитъ любовь!
Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,

И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги....
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,
Прійди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ.)

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье:
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить *).
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой **),
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:

*) Въ Сынѣ Отечества 1818 г.
«И въ сердцѣ хладное страданіе таить.»
**) «На ложѣ медленно растерзанный тоской,
Забывъ надежду и покой».

Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный *), изступленной,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой....
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость **).

---

*) «Дикой.»

**) Въ Благонамѣренномъ 1818 г.:

«Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ временъ въ таинственную даль:
Услыша ихъ, воспламенится младость,
Безмолвная утѣшится печаль
И рѣзвая задумается радость.»

ЖУКОВСКОМУ.

(НА ИЗДАНІЕ КНИЖЕКЪ ЕГО: «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ».)

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей *),
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

---

*) Въ Сынѣ Отеч.
«Не для подкупленныхъ судей
Ревнивыхъ милостью своей.»

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй,

ИЗЪ ПИСЬМА.

Есть въ Россіи городъ Луга,
Петербургскаго округа.
Хуже бъ не было сего
Городишка на примѣтѣ,
Если бъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

1819 г.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный
Не можетъ самъ себя понять....
И видитъ : закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять....
И вдругъ.... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая
И молча сѣла у бреговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой....
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной!

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день :
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тьмою,
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ....

«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.

На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ бреговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ....
Заря прогнала тьму ночную.
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Любимецъ Музъ, поклонникъ моды,
И Терпсихоры, и стиховъ!
Ты въ жизни любишь перемѣну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлютъ наяву
И наслажденьямъ знаютъ цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плѣняетъ пестротой *),

*) Варіантъ изъ списка:
«Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы;
И такъ отъ нашихъ береговъ,

Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тяжкой знатности веселье *),
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни дорогой,
Держася моего совѣта,
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ

Изъ области крылатой моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлятъ на яву,
И въ жизни любятъ перемѣну?
Въ сей Азіятской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь — игрушка.
Въ почтенной кичкѣ, въ шушунѣ,
Москва премилая старушка;
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой», и т. д.

*) Варіантъ изъ списка: «И тучной знатности похмелье».

Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой,
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей —
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Раждаетъ трепетъ упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?

Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
Венеры вѣтряный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите дамы,

Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпигрaмы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега *)
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ. Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ Октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
На счетъ глупца, вельможи злова,
На счетъ холопа записнова....
. . . .

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, надъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой,

*) Эти три стиха въ посмертномъ изданіи были:
«Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега.»

Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ;
У Пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ,
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ:
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

СТАНСЫ.

(Я. Н. ТОЛСТОМУ.)

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златой Горацієвъ фіалъ.

Повѣрь, мой другъ, она прійдетъ
Пора унылыхъ сожалѣній,

Холодной истины заботъ
И безполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки;
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

УЕДИНЕНІЕ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные, и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,

. . . .
О если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ судьбой витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья. . . . .

ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ —
Они знакомы вдохновенью.

ЭЛЕГІЯ.

Увы, зачѣмъ онъ блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой....
Увянетъ! жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей;
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?

Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?

Ты, геній!... Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье,
И гаснетъ пламеной душой.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ красоты безпечный обожатель
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья, —
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Б*. . . . . . . невѣждъ законодатель,
Гдѣ Ш* . . . . . царь, а скука председатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!...
Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда . . . . .

Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ острить французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлятъ и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами брянчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ, —
Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
Свобода, Вакхъ и Музы угощаютъ.
Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политика смѣшнаго лепетанья,
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
И мистика придворнаго кривлянья!...
И ты, Харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ небогомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ —
И малый кругъ друзей моихъ умножь.

Мнѣ бой знакомъ — люблю языкъ мечей
Отъ первыхъ лѣтъ, поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ,
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

ОТВѢТЪ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И въ силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ . . . . . забавить
Стыдливой музою моей.
Но признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ Касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ
Елисавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой,
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой —
И не подкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

КЪ Ө. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ имянинникъ,
Здорово, Юрьевъ Лейбъ-Уланъ!
Сегодня, для тебя, пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.
Здорово, и проч.

Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы, и вина!
Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, и проч.

Здорово молодость и счастье,
Застольный кубокъ и . . . . . .
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ..........
Ведутъ насъ пьяныхъ на постель.

ЭКСПРОМПТЪ ГНѢДИЧУ,

ПОСЛѢ ПРОЧТЕНІЯ ЕГО ПЕРЕВОДА ИЛІАДЫ.

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю;
Я руку наложилъ,
Погладилъ — занозилъ.

1820 г.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные [1]) края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я [2])
Воспоминаньемъ упоенный....
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ; [3])
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ [4]) лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ....
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

[1]) Въ Сынѣ Отеч. 1818: «Роскошные.»
[2]) «Съ невольнымъ трепетомъ туда стремлюся я
Сердечной думой упоенный....»
[3]) «Смущенный духъ во мнѣ кипитъ и замираетъ.»
[4]) «Юныхъ.»

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ [5])
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ Музы нѣжныя [6]) мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость,
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ [7]) заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной.... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило....
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Черное море. 1820. Сентябрь.

---

[5]) «Неси меня, корабль, неси къ предѣламъ дальнымъ.»
[6]) «Милыя.»
[7]) «Мятежныхъ.»

ДОРИДѢ.

(ПОДРАЖАНІЕ ШЕНЬЕ.)

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая — Харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная *) небрежность,
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.
(et des noms caressants la mollesse enfantine)

ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
И блѣдное лице, и очи голубые.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались,
Я таялъ: но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

---

*) Въ Новостяхъ Лит. «безцѣнная.»

НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ деревъ, *) едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ,
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь....

---

*) Въ Пол. Звѣздѣ: «оливъ.»

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачной,
Какъ персты дѣвы молодой.

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на чистый небосклонъ

Восходитъ блѣдная Діана —
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана....

ЧААДАЕВУ.

(СЪ МОРСКАГО БЕРЕГА ТАВРИДЫ.)

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось:
Чадаевъ, помнишь ли былое?
Давно ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ
Пишу я наши имена.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль....

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ....

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Братоубійствомъ изощренной.
Какъ часто возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ, молча надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью;
Таковъ былъ — сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(МОЛДАВСКАЯ ПѢСНЯ.)

Гляжу какъ безумный *) на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

*) Въ Сынѣ Отеч. «Гляжу я безмолвно.»

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный Еврей.

Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ....
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта! булатъ загремѣлъ....
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Прійди ко мнѣ на рюмку рома,
Прійди — тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ *) — любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ, и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,

*) Тардифъ, тогдашній извѣстный въ Петербургѣ кухмистеръ.

Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги....

ОЛЬГА.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Какже ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья,
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условной —
Въ дверь стучимъ; но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шепотъ,
И служанки сонный ропотъ,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачъ —
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.

ПЛАТОНИСМЪ.

(къ лиденькѣ.)

Я знаю, Лиденька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ;
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей;
Ты молишся другому богу, —
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей.
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ,
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ.
Онъ любитъ сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви — но одинокъ.
Когда безсонницей унылой

Во тьмѣ ночной томишся ты, —
Онъ оживляетъ тайной силой,
Твои неясныя мечты;
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой,
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь?
Напрасно — въ самомъ наслажденьѣ
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ....
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты —
Не вѣчно будешъ ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!

1821 г.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразной
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмелья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И Музу призывалъ
На пиръ воображенья....

Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся....

Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга,
И съ лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстной....
Завѣтной твой кристалъ
Хранитъ огонь небесной;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ....
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы —
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.

Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы

Въ забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Уже ли ихъ забуду
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хореи,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки,
Всегдашнiя мечты,
Мои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай....
Болтливостью небрежной
И вѣтряной и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай....

Когда же берегъ ада
На вѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь,
И навсегда покинешь

Поэта тихій домъ —
Тебя возьметъ унылой
Чадаевъ, другъ мой милой:
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

Кишеневъ. 11-е Апрѣля 1821 г.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ, блещутъ воды,
Роскошные лаская берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,

Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады Татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ : кудрявыхъ рощъ прохлада,
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда.
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златаго Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Прійду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса.

И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Прійду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?...

Н. С. АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить безразсудно,
Мужей обманывать грѣшно.
Прошелъ веселый жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нѣжной?

Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ изступленной
Тоскуя, плачетъ предо мной,
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній,
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ
Люблю съ участіемъ внимать;
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.

ЭЛЕГІЯ.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.

Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ;
Пускай я радости вкушаю не вполнѣ;
Но ты, невинная, *) ты рождена для счастья,
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови: **)
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья.
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, ***) младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься.
Быть можетъ навсегда.... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!

24 или 25 августа.

КЪ ПЛЕЩЕЕВУ.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать,
И неизбѣжную разлуку
Въ унынья робкомъ ожидать?

*) Въ Новостяхъ Лит. «прекрасная.» **) «веселья мигъ лови.»
***) «Ясна, какъ свѣтлый день.»

И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней:
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, *)
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной. **)
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;

*) Относится къ А. М. Каратыгиной, тогда — Колосовой.
**) Въ изд. 1826 года: «Предъ Мельпоменой и Моиной.»

Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

5 апрѣля.

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ наѣздника читалъ,
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы,
. . . .
И думалъ: вѣтряный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладѣвъ на вѣкъ,
Ты видно сталъ въ угоду міра
Благоразумный человѣкъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы?

КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
И простодушіе съ язвительной улыбкой.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной....

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;

Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы.
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй....» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ....
Къ чему?

. . . .

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ, и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ, и въ холодъ ключевой

Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

ВОЙНА.

Война!... Подъяты [1]) наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести!
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье, [2])
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,

[1]) Въ Полярной Звѣздѣ 1823: «развиты.» [2]) «призванье.»

Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата [3]) и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?... Уже ль ни бранный шумъ,
Ни ратные [4]) труды, ни ропотъ гордой славы
Ничто незаглушитъ моихъ привычныхъ [5]) думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла....
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?...

29 ноября 1821.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокой,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ? *)

3) «братьевъ.» 4) «ни грозные.» 5) «тревожныхъ.»

*) Въ Новостяхъ Литтературы 1823 г.:
Безмолвно жребію послушный,
Влачу страдальческій вѣнецъ;
Живу — печальный, равнодушный,
И жду: прійдетъ ли мой конецъ?»

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури *) слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка, 22 февраля.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе,
И забываю пѣсни Музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во மракѣ блещутъ;
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый:
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралищѣ слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля 1821, Кіевъ.

*) «Какъ вѣтровъ.»

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предрѣчь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы

Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы: *)
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ,
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую **), когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила,
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;

*) Въ Соревнователѣ: «Жужжатъ вокругъ нее ревнивыя мольбы.»
**) Тамъ же: «Мила красавица.»

Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ,
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Кишеневъ, 5 апрѣля 1821.

ЭЛЕГІЯ.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ,
И сердца моего языкъ любила страстной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня на вѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:

«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.»

23 августа 1821.

ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Познаю и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь

Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый ни кѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной *)
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ

. . . .

Или **) философа, который въ прежни лѣта,

*) Въ Сынѣ Отеч. «разъяренной.» **) «Глупца философа.»

Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, ни кѣмъ не замѣчаемъ —
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ! Прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желанье: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтряной толпы безстрастный наблюдатель;
Прійду, прійду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры; *)
Посмотримъ, **) перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
И счастливъ буду я; но только ради Бога
Гони ты Шёп—га отъ нашего порога.

Кишеневъ, 20 апрѣля 1821.

---

*) «Приговоры.» **) «Поспоримъ.»

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ!
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтыѐ луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!)
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы,
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.

Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни Музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно Граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ невидать тебя, великій Римъ,
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее Харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи, послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ,
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,

Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На Скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ, блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный Декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!...
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой

Узнавъ, прійдетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной,
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье!
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой — участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И Музы мирныя мнѣ были благосклонны. *)

26 Декабря.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,

*) Варіантъ: «Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.»

Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державной
Ты на земныя племена.

. . . .

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его *) надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой....
Тебя плѣнило самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Едва рожденная свобода,

*) Французскаго народа.

Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ, до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Францiя, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой,
Европа гибла: сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величiи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ! При звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ —
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца Русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно Русскихъ разгадалъ....

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война — по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья

Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ, иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

....И нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ.... и вновь повѣялъ мимо
. . . .
На . . . . порогъ вперилъ
Смутясь онъ очи;
Раздался бой полночи
И се — внезапный гость . . . . предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Во мракѣ полунощи,
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Аустерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
. . . .
Предъ юношей царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ. *)

---

*) (Піеса, по мнѣнію П. В. Анненкова, писанная въ 1821 году, по смерти Наполеона).

КЪ АГЛАѢ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ семилѣтняя Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли
Чтобъ *умеръ отъ любви* повѣса?
Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
Да, тридцать лѣтъ — не многимъ болѣ;
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ:
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца надоѣли.
Умы давно въ насъ охладѣли,
Не кстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва ли три недѣли!
Я вами точно былъ плѣненъ,
Къ тому же скука — мужъ ревнивый....
Я притворился что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы....
Мы поклялись.... потомъ.... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;

Но нѣтъ! Въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Сѣдую воскресили древность!
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность....
Оставимъ юный пылъ страстей
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей —
Я — своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить!

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила —

Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной.
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ
Прелестная глава благоухала,
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала....

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Другъ, Дельвигъ, мой Парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, Баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ....
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ Кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы;
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ *не Русью пахнетъ;*
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ;

Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю,
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ....
Такъ точно, позабывъ сегодня,
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша с....
На шашни молодыхъ б....

1822 г.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстной
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой,
Отъ береговъ холодной Лѣты,
Слетаются на брегъ земной,
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей....
Но, можетъ быть, мечты пустыя....
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,

И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я....

ДРУЗЬЯМЪ.

(На отъѣздъ В. Т. Кека изъ Кишенева.)

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ *) чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;

*) Въ Пол. Звѣздѣ: «при блескѣ чашъ....»

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду Скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта.
Она Державинымъ воспѣта
И славой Русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ Музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутаго;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живаго.

ЕМУ ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
Что жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ.

АДЕЛИ.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали,
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

ГРЕЧАНКѢ.

Ты рождена воспламенять
Воображенiе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей,
И этой ножкою нескромной ;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенiя страстей.
Скажи : когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый ?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Грецiи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенной
Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой :
И ты, склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу :
Мнѣ долго счастье чуждо было,

Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И, тайной грустію томимъ,
Боюсь : невѣрно все, что мило !

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
  Отмстить неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
  Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса навстрѣчу ему,
  Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
  Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
  Что сбудется въ жизни со мною ?
И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ,
  Могильной засыплюсь землею ?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня :
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

«Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
  А княжескій даръ имъ не нуженъ ;

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

«Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша, покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

«И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
Незримый хранитель могущему данъ.

«Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю,
И холодъ, и сѣча, ему ничего:
Но примешь ты смерть отъ коня своего.»

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
  Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
  Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся; да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
  Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
  Водой ключевою поите.»
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
  При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
  Надъ славной главою кургана....
Они поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ
  Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
  Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
  И думаетъ: «Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
  Презрѣть бы твое предсказанье:

Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!»
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
  Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ, на холмѣ, у брега Днѣпра,
  Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
  И молвилъ: «спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
  На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
  Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змія
  Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась:
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипятъ
  На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
  Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни,
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ, ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ;
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и, не сержусь;
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Я. Н. ТОЛСТОМУ.

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣже ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмелья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріютъ любви и вольныхъ Музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ, за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ....

Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія Калмыкъ!

Кишеневъ, 26 сентября 1822.

У Клариcы денегъ мало,
Ты богатъ — иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати,
Съ счастіемъ у васъ разладъ;
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы модный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ.
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.
Увы, никто въ моей роднѣ

Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

ЭПИГРАММА НА К***.

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

ЭКСПРОМТЪ.

Мальчикъ! Солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ, среди пировъ,
Принеси же осторожно
И скорѣй, изъ погребовъ
Матерь чистаго веселья, —
Влагу смольную вина,
Чтобы мы, друзья похмелья,
Не видали въ чашахъ дна!

Тульчинъ 1822.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСКИ В. П. ГОРЧАКОВУ.

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь,
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей и проч....

Кишеневъ.

1823 г.

ПОСЛАНІЕ КЪ Ѳ. Н. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракисмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоисмъ;
Безъ слезъ оставилъ я, съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Кишеневъ, январь 1823.

ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать,
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ пошолъ!... *)

Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги —
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

Катитъ по прежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

---

*) Въ Моск. Телеграфѣ:
«Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ,
И презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: «валяй по всѣмъ по тремъ!»

ЭЛЕГІЯ.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное [1]) волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ [2]) омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной, [3])
Не видишь ты, когда, въ толпѣ ихъ страстной, [4])
Бесѣды чуждъ, одинъ [5]) и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда.... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать, [6]) съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
Заводитъ ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ,
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...

[1]) Въ Полярной Звѣздѣ 1824. «Несчастное волненье.»

[2]) Въ Литерат. Листкахъ: «Чувства.» [3]) «Безумной.» [4]) «Шумной.» [5]) «Угрюмъ.» [6]) «Уйти.»

Что жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?...
Но я любимъ!... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои;
Но я любимъ, [7]) тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты какъ тяжко я страдаю!

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла....
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движится роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами....
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,

[7]) «Но ты вѣрна.»

Теперь она сидитъ печальна и одна....
Одна.... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньи не цѣлуетъ;
Одна.... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.
. . . .
. . . .
. . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда ль: ты одна.... ты плачешь.... я спокоенъ;
. . . .
Но если. . . . .

НОЧЬ.

Мой голосъ для тебя и ласковый и томной
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою.
Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ.... люблю... твоя... твоя.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья [1]) бытія,
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій [2])
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо [3]) глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

---

[1]) Въ Мнемозинѣ: «наслажденья.» [2]) «И упоеній.» [3]) «Съ насмѣшкою.»

КНЯГИНѢ Е. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и хладной скуки *)
Она съ участіемъ вняла —
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки....
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.

1823 г. Одесса.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

*) Въ Карманной книжкѣ: «Вновь лирѣ слезъ и тайной муки.»

Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Возстань, о Грецiя, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла
Святые мраморы Аѳинъ,
Гробы Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскiе вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ КН. А. Н. ГОЛИЦЫНУ. *)

Отраднымъ ангеломъ на землю онъ явился,
И счастье райское принесъ съ собою къ намъ;
Но житель горнихъ мѣстъ, онъ мiромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ — въ отчизну къ небесамъ!

---

*) Родился 1822 Апр. 22-го; умеръ 1823 г. Мая 19-го.

1824 г.

А. Л. ДАВЫДОВУ.

Нельзя, мой толстый Аристипъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Пускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулитъ хорошую погоду:
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу:

У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.

ИНОСТРАНКѢ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ.)

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

19 мая 1824.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Вотъ взошла луна златая,
Тише!.... чу.... гитары звонъ.
Вотъ Испанка молодая
Оперлася на балконъ.

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ,
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно *) средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,
И стая тонетъ кораблей!

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ **).

Ты ждалъ, ты звалъ.... я былъ окованъ,
Вотще рвалась душа моя:

*) Въ изданіи 1826: «Скользитъ безпечно.»
**) Въ Мнемозинѣ: «набѣгъ.»

Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ,

Одна скала, гробница славы....
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы,
Тамъ угасалъ Наполеонъ!

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой: *)
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Міръ опустѣлъ.... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?

*) «Реви, волнуйся непогодой.»

Судьба земли повсюду та же,
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Коварство, злоба и . . . . . .

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать *) буду
Твой гулъ **) въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

ПРОЗЕРПИНА.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.)

Плещутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ Аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путемъ однимъ.

*) «Помнить буду» **) «Твой шумъ.»

Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна :
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ Аиду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты ;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы,
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчитъ и томно стонетъ....
Но бѣгутъ любви часы....
Плещутъ волны Флегетона,
Своды Тартара дрожатъ :
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ,
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ Элизія выводитъ
Потаенною тропой ;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой

Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.

29 августа 1824.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?

Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавой.

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Михайловское. 1824.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель, *)
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель,
Гдѣ до утра слово *пей*
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А **) кружокъ бутылокъ тѣсенъ!

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
И такъ рѣшите, жду я слова,
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца Музъ и Грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій

*) Въ Мнемозинѣ: «засѣдатель.» **) «но.»

Листочки наши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя ль узнать?

Поэтъ.

Я былъ далекò:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, Музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночнаго вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова

И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И Музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной,
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрной.

Книгопродавецъ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады;
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ
И вѣтряной ея награды.

Поэтъ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ

И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шепотъ ли чтеца,
Гоненье ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья;
Жуковскій тоже говорилъ:
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ,
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ,
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ.
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на Киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите: ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона;
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.

Мои слова, мои напѣвы,
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда.
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои:
Но полно, въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы,
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтряной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога — вдохновенье,
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Прійдетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсень не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы.

Поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженства зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ ты была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
. . . .
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ.
Судьбою такъ ужъ рѣшено.

Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была — предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгарая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей,
Земныхъ восторговъ изліянье,
Какъ божеству не нужно ей.

Книгопродавецъ.

И такъ, любовью утомленной,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И Музъ, и вѣтряную моду,
Что жъ изберете вы?

Поэтъ.

Свободу!

Книгопродавецъ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ,
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата,
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать —
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера.
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

26 сентября, въ Михайловскомъ.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ —
Они жрецы единыхъ Музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ: близокъ я тебѣ!
Давно бъ на Дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье: *)

*) Въ прежнихъ изданьяхъ: «Куда подуетъ непогода.»

Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ въ глухомъ изгнаньи,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, Арабъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя....
. . . .

18 октября 1824. Михайловское.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой —
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета!
Лайонъ, мой курчавый братъ,
(Не Михайловскій прикащикъ)
Привезетъ намъ, право, кладъ....

Что?... Бутылокъ полный ящикъ!
Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта,
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ,
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ,
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,
Не говори: «онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ....»
Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ

Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если цѣпь ему накинулъ ты,
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

ПРИЗНАНІЕ.

(КЪ АЛЕКСАНДРѢ ИВАНОВНѢ ОСИПОВОЙ.)

Я васъ люблю, хоть я бѣшусь,
Хоть это трудъ и стыдъ напрасной:
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь!
Мнѣ не къ лицу и не по лѣтамъ....
Пора, пора мнѣ быть умнѣй!
Но узнаю по всѣмъ примѣтамъ
Болѣзнь любви въ душѣ моей:
Безъ васъ мнѣ скучно, я зѣваю;
При васъ мнѣ грустно, я терплю;
И мочи нѣтъ, сказать желаю,
Мой ангелъ, какъ я васъ люблю!
Когда я слышу изъ гостиной
Вашъ легкій шагъ, иль платья шумъ,

Иль голосъ дѣвственный, невинной,
Я вдругъ теряю весь свой умъ.
Вы улыбнетесь — мнѣ отрада;
Вы отвернетесь — мнѣ тоска.
За день мученія — награда
Мнѣ ваша блѣдная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,
Я въ умиленьи, молча, нѣжно,
Любуюсь вами какъ дитя!...
Сказать ли вамъ мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, въ ненастье,
Вы собираетеся въ даль?
И ваши слезы въ одиночку,
И рѣчи въ уголку вдвоемъ,
И путешествіе въ Опочку,
И фортепьяно вечеркомъ!
Алина, сжальтесь надо мною!
Не смѣю требовать любви:
Быть можетъ, за грѣхи мои,
Мой ангелъ, я любви не стою!
Но притворитесь: этотъ взглядъ
Все можетъ выразить такъ чудно!
Ахъ, обмануть меня не трудно:
Я самъ обманываться радъ!...

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ [1]).

ПОСВЯЩЕНО П. А. ОСИПОВОЙ.

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой: [2])

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

[1]) «Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава *Награды*), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень.» Мнѣніе сихъ *нечестивыхъ* конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ.

[2]) Въ другихъ мѣстахъ корана, Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и человѣкомъ, и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ. [3])

[3]) «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться.» и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

III.

Смутясь нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье; [4])
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ;
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвитъ
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?

Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:

[4]) Изъ книги: *Слѣпецъ*.

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ,
И нечестивые падутъ
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ,
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань Моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ востока,
Съ заката подыми его.

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой. [5])

[5]) Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія!

Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

Творцу молитесь, Онъ могучій,
Онъ правитъ вѣтромъ, въ знойный день
На небо насылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили — слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи.
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденьи
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый!
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучной,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильной,
Исчезнутъ — Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога роптал,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ, и пылью тягчимые очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы;
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ: ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ,
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;

Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодной
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей.»

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая дрожащей главою поникъ....
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь,
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;

Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ.... лишь вѣтеръ да я!»

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire....)

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали!
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой, съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго Мая,
Межъ колесницами роскошными летая,

Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу прельщенный мыслью ложной *)
Цензуру поносить хулой неосторожной —
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Не рѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ Англійскій романъ съ Французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя —
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ — Ценсоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,

*) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: «Славой ложной».

Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье —
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля....
Да связь утратя въ нихъ ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.

Но Ценсоръ гражданинъ, и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,
Гласъ правды — мятежомъ, К....... — Маратомъ.
Рѣшилъ — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и русскій умъ любя,

Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады *), басеньки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты....
О, варваръ! Кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ ни мало не похвальный:
Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
И право никогда искусный коновалъ,
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы
Осмѣивать. . . . . и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ незнакомъ тебѣ, всѣ знаютъ почему, **)
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ. . . . . избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали —
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь! и въ нашъ премудрый вѣкъ,
Едва ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.

*) Варіантъ: «Посланья....»
**) Варіантъ: «Тотъ не знавалъ тебя, мы знаемъ почему».

Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходной
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Х. . . . . два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры.
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ Душеньки двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала —
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зарцало —
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай — что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать....
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда. . . . .
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
«Все правда», скажешь ты, «не стану спорить съ вами;
Но можно ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я не рѣдко плачу,

Читаю, да крещусь — мараю наудачу....
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти....»
Жена и дѣти, другъ, повѣрь — большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если не возможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно
И службою своей ты нуженъ для Царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ АРИСТАРХУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять себя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно:
Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;
Но извини меня, мнѣ было не въ терпешь.
Теперь въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(А благо мнѣ читать теперь большой досугъ)
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума!

Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный —
И ими назвалась (для риѳмы) красота....
. . . .
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило,
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу моему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю кому
Сей важной новостью обязана Россія.
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ, среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины!...
. . . .

И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить.
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ отъ тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;

Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда невидишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ сопостата,
То славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

1825 г.

ПОДРАЖАНІЯ.

1.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію безмятежной,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь.

2.

Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный.
У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.

Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы.

БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

САФО.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

ЭЛЕГІЯ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала....
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! Въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

29 іюля 1826 года.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;

Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтрянаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта, *)
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не прійдетъ никогда.... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ.... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

---

*) Въ Соревнователѣ: «Скучая суетой и званіемъ поэта.»

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ....
Минуту!... Вспыхнули.... пылаютъ.... легкій дымъ
Віясь теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ.... О Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ.... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милой,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди....

КОЗЛОВУ,

(ПО ПОЛУЧЕНІИ ОТЪ НЕГО «ЧЕРНЕЦА».)

Пѣвецъ! Когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

П. А. ОСИПОВОЙ.

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о мирной *) старинѣ,
И сельской Музѣ въ тишинѣ,
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «милой.»

Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной.

Если жизнь тебя обманетъ —
Не печалься, не сердись;
Въ день унынія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Сердце въ будущемъ живетъ.
Настоящее уныло;
Все мгновенно, все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжной,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!

Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

---

19 ОКТЯБРЯ.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто но неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

«Товарищи! Сегодня праздникъ нашъ.
Завѣтный срокъ! Сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вече

Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались мгновенно, молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ Лицея
И съ жизнью вновь свободно пошалить *).»

«На пиръ любви душой стремлюся я....
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И праздника порядокъ учреждаю....
Я вдохновенъ.... О, слушайте, друзья:
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ.»

«Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первой,
Послѣднимъ я, иль Брогліо, иль Данзасъ;
Но многіе не явятся межъ нами....
Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ.
Они прійдутъ, конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ.»

«Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,

*) Эта и послѣдующія строфы, заключенныя въ знаки « » отброшены были Пушкинымъ изъ этого стихотворенія и напечатаны были въ VII томъ послѣдняго изданія сочиненій его изъ рукописи; помѣщаемъ ихъ въ текстѣ къ своимъ мѣстамъ, для удобства чтенія.

Забывъ, межъ тѣмъ, полуденный звонокъ.
Они прійдутъ! За праздные приборы
Усядутся; наполнятъ свой стаканъ,
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ Пеанъ.»

Печаленъ я: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое неслышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ....
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ нами нѣтъ?

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ, *)
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ Русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,

*) Н. А. Корсаковъ.

Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ Сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный *)?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!... Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Срастался онъ подъ сѣнью дружныхъ Музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

*) Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой....
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!

«Мы вспомнили бъ какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы одну всѣ трое полюбили —
Наперсники, товарищи проказъ!...
И все прошло: проказы, заблужденья!....»
. . . .

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ! Фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ розный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь мы быстро разошлись,

Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! Твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ. *)

Съ младенчества духъ пѣсень въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для Музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье Музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;

*) Сюда слѣдуетъ, по замѣчанію П. В. Анненкова (т. VII, стр. 63), еще четверостишіе, не находящееся въ черновой рукописи этого стихотворенія, принадлежащей Александровскому Лицею и относящееся, вѣроятно, къ Ивану Васильевичу Малиновскому, тоже товарищу Пушкина по Лицею:

«Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты нашъ казакъ и пылкій, и незлобной?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?»

Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты....
Опомнимся — но поздно! И уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ *) не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по Музѣ, по судьбамъ?

Пора, пора! Душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ —
Пріиди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Пора и мнѣ.... Пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ — и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ — и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
«Златые дни, уроки и забавы,

*) Т. е. Кюхельбекеръ.

И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и планы мирной славы,
И критики Лицейскихъ мудрецовъ!»

«О, други, съ мѣстъ! Вторую наливайте!
Полнѣй, полнѣй — и сердцемъ возгоря....
Опять до дна, до капли выпивайте,
Но за кого-жъ?... О други! угадайте....
Ура нашъ Царь! Такъ выпьемъ за Царя!
. . . .
Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.»

«Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нащъ пламень....
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада вожжена....»
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ —
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему....
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать прійдется одному?

Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній
Докучный гость и лишній и чужой,

Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой....
Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной,
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,

Выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се — ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица; въ ногахъ Немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ, поднялся свистъ и ревъ;

Треща горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, вон,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait . . . .

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору Европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ. [1])

[1]) Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(*V. Les derniers vers d'André Chénier.*)

Заутра казнь — привычный пиръ народу.
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу —
Не измѣнилась до конца!
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило.
Я славилъ твой священный громъ,
. . . .
. . . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы

Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни, [2])
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній:
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрной,
И, долго слушая, скажите: это онъ!
Вотъ рѣчь его. А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь.... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и *Узница* моя, [3])
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая....»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой,
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ.... Красавицъ томны очи,
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече.... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,

[2]) *У Авеля, у Фанни.* Abel doux confident de mes jeunes mistères (El, I.): одинъ изъ друзей А. Ш.; Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

[3]) *И Узница моя.* V. La jeune Captive (M-lle de Coigny.)

Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И Муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала,
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложной,
Ты, слово, звукъ пустой....»
«О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушной!
Гордись и радуйся, поэтъ:

Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ; [4])
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей. . . . .
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-Эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу, рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлой.
Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ прійдетъ.... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье

[4]) Voyez ses ïambes.
Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier. (*H. de la Touche.*)

Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду.... пора.... но ты ступай за мною!
Я жду тебя.»

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею.
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры....
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ.... Постой, постой, день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа. [5])
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ. [6])
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ.... [7])
Плачь, Муза, плачь!...

---

[5]) Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспіерра.

[6]) На роковой телѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poësie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque. *(H. de la Touche.)*

[7]) На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА!

Какъ! живъ еще курилка-журналистъ? —
Живехонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку. —
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ. — Да.... плюнуть на него.

Н. Н.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ НЕВСКАГО АЛЬМАНАХА.

Примите Невскій альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ.
Вы тутъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ, дальній вашъ родня, *)
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.

*) Въ альманахѣ:
«Вы тутъ найдете Полевова,
Василья Пушкина, ...кова;
К.... дальній вашъ родня.»

Что слава міра?... дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждой повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ прямой чухонецъ.

ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похмелья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ!

ДВИЖЕНІЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.

**

Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однако жъ правъ упрямый Галилей.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразной
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску,
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней *) и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальной:

*) Въ Ураніи: «Повѣрь, когда *и мухъ* и комаровъ.

Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой,
Сердиться грѣхъ — но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграмой.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согнувъ въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую —
И горе нашему врагу!

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова....
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный.
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

1826 г.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....

Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

Скучно, грустно.... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя
Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими какъ сонъ,
Моихъ зеницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,

И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! Кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрену

Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

ОТВѢТЪ Ѳ. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней:
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ — играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте

Себѣ торжественный вѣнецъ —
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

1 Іюля 1826. Зуёво (т. е. Михайловское).

ПОСЛАНІЕ АРКАДІЮ ГАВРИЛОВИЧУ РОДЗЯНКО.

Ты обѣщалъ о романтисмѣ,
О семъ парнасскомъ аѳеисмѣ
Потолковать еще со мной,
Полтавскихъ Музъ повѣдать тайны,
А пишешь мнѣ объ ней одной!...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ, Пиронъ Украйны!
Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной —
Поговоримъ опять объ ней.
Хвалю мой другъ ея охоту,
Поотдохнувъ, рожать дѣтей
Подобныхъ матери своей,
И счастливъ кто раздѣлитъ съ ней
Сію пріятную заботу,
Не наведетъ она зѣвоту;
Дай Богъ чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.

Но не согласенъ я съ тобой,
Не ободряю я развода;
Во-первыхъ вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа....
А во-вторыхъ замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои,
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ Онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

22 Декабря 1826, Москва, у Зуб.

СТАНСЫ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалой не воспою?

Я льстецъ! Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на Царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Страстей и воли духъ мятежный!

Бѣда странѣ гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ Престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

И. И. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,

Когда мой домъ *) уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ тоже утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ Лицейскихъ ясныхъ дней.

13 Декабря 1826. г. Псковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

«Во-первыхъ — запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ :

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макорони,
Да яичницу свари.
  На дорогѣ отобѣдай
  У Пожарскаго въ Торжкѣ :
  Жареныхъ котлетъ отвѣдай,
  И отправься на легкѣ.
Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичокъ —

*) Въ рукописи : «мой дворъ.»

То-то другъ мой расторащитъ
Сладострастный свой глазокъ:
Поднесутъ тебѣ форели;
Тотчасъ ихъ варить вели.
Какъ увидишь — посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ —

У податливыхъ крестьянокъ,
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образовъ ты будешь имѣть отъ скуки какое нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

1827 г.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ Эдема Ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.

Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.

Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Пе такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь, она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ отвѣта!

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ Мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

И ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ:
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.

От недуга, от могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.

И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ Пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ, чуждыхъ странъ,
Въ край родной на Сѣверъ съ Юга
Не умчитъ мой талисманъ....

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,

Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной,
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ,
И по неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой?...
. . . .
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!
. . . .
На рай полуденной природы
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,

Въ стѣсненьи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой —
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадоны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины.
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безъименный
Богини вѣчной красоты?
И ты, Харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?
. . . .
. . . .

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ПОЭМЫ: «ЦЫГАНЫ».)

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица Музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани:
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

КЪ ЖЕНЩИНѢ-ПОЭТУ.

(К. А. ТИМАШЕВОЙ.)

Я слушалъ васъ.... я прочиталъ
Сіи небрежныя созданья, [1])

[1]) Въ Радугѣ: «Я видѣлъ васъ.... я прочиталъ
Сіи прелестныя созданья.»

Гдѣ ваши томныя мечтанья
Боготворятъ свой идеалъ.

Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ,
Въ исполненныхъ души чертахъ, [2])
И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ.

Соперницы завѣтной розы
Блаженъ безсмертный идеалъ!
Стократъ блаженъ, кто ей внушалъ
Единый стихъ и много прозы! [3])

Т Р И К Л Ю Ч А.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

18 іюня 1827. С. Петербургъ.

---

[2]) «Въ душой исполненныхъ чертахъ.»

[3]) «Соперницы *запретной* розы,
Блаженъ безсмертный идеалъ;
Стократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
Не много рифмъ и много прозы.»

КЪ ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ Нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ.
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ убѣгая,
Готовъ былъ всюду я летѣть.
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклинаю
Я тяжесть денегъ и годовъ.
Прости, пѣвецъ, играй, пируй
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,

И не плати своихъ долговъ
По праву Русскаго дворянства!

14 іюля, С. Петербургъ.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы....

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая, *)
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

ЧЕРЕПЪ.

(ПОСЛАНІЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ.)

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву,
Тебѣ повѣдаю, Баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,

*) Изъ А. Шенье: «Près des bords où Venise est reine de la mer....»

По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ Барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирою златой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,

Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенье Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу, —
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, для крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Умѣренность, вѣщалъ мудрецъ,
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однако жъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ.... скелетъ,

Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ Аидескимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонмъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,

Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.
День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь —
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ — и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рифмы въ эту поэтическую минуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію похищеніе совершилось благополуч-

но. Студентъ по частямъ разобралъ всего Барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи Бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять Барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, Баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу.
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И Скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,

Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

19 ОКТЯБРЯ.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

ЭПИГРАММА.

Лукъ звѣнитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,

И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛК—МУ.

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Когда бывало, встарину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То отгоняло сатану
Пустое это изрѣченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній;
(Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они....)
Но ты — мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,

Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя —
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.

3 апрѣля 1827.

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ
Мертвитъ дыханіе мороза —
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза....

1 апрѣля 1827.

1828 г.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ —
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

TO DAWE ESQ^r^.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой Арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофиль.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,

Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года. Море.

ЕЯ ГЛАЗА.

(ВЪ ОТВѢТЪ НА СТИХИ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.)

Она мила, скажу межъ нами —
Придворныхъ витязей гроза —
И можно съ Южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами
Ея Черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!...
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля —
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor. *)

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы....

ПОРТРЕТЪ.

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О жены Сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ —
Какъ беззаконная комета
Въ кругу разсчисленномъ свѣтилъ.

---

*) Стихъ А. Шенье.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!...

Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, цри мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальной.

НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ;
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы;

Таи, таи *) свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

КЪ * * *.

Счастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой;
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгарая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво,
Признанья слушаетъ твои.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, безуханной,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «Таи въ себѣ.»

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ....
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?

Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?

Бурной *) жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду....
Но предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься, взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

---

26 МАЯ 1828.

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «шаткой».

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

19 Мая.

ЗАКЛИНАНІЕ

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые,
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна, какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Прійди какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!...

Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь.... но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

17 Октября.

ОТВѢТЪ А. И. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ Харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтряный Зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ, а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,

Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ во слѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ рояхъ Парнасса;
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмелья пожинай.

10 Ноября 1828. Маленники.

Н. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой,
Милѣй болтливостью любезной
И безъискусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;

Но твой альбомъ другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И Ларъ молитвеннымъ стихомъ.

В. С. ФИЛИМОНОВУ,

ПРИ ПОЛУЧЕНІИ ПОЭМЫ ЕГО: «ДУРАЦКІЙ КОЛПАКЪ.»

Вамъ, Музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И, въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,

Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВЪ».

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ,
Съ какимъ усердьемъ онъ....
И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой человѣкъ ужасной.
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты,
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:

Нѣкто мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлѣбнувъ Кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ,
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Псковской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ,
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.

Упиваясь непріятно
Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ нѣтъ.... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до Ноября.

Ижоры. 1828.

ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ *вы* милы!
И мыслю: какъ *тебя* люблю!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

«КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ», МИЦКЕВИЧА.

Сто лѣтъ минуло какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Прусакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся — и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Духовъ пристанища святыя.
Символъ Германца на другомъ,
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ
Со стороны одной бродили

И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ Нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Нѣмана гостепріимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмель Литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

КРОМѢШНИКЪ.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ синій сводъ

Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговой,
Лишь только лаетъ стражъ дворовой,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы,
Здѣсь опрокинутая плаха,
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ....

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье;
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «Мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивой

Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровой
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ Царя!
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатные копыты?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...» И конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.
. . . .

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца.»
— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;

Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь....
Гдѣ жъ мертвецъ? — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разосланъ мокрый неводъ,
Мертвый видѣнъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ —

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ....
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ качаясь, какъ живой;

Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу.»

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?» — Эй, впусти, хозяинъ! —
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чертъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,

И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. Чтобъ ты лопнулъ!
Прошепталъ онъ задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждётъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.

Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милóва,
Не убитаго, живова.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь Кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

АНЧАРЪ. *)

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва **) породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ, лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

*) Древо яда.
**) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «зноя.»

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами —
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями,

Принесъ — и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь *) тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828. Деревня Малинники.

ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «царь.»

Онъ пѣлъ — а хладной и надменной,
Кругомъ народъ непосвященной,
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то какъ вѣтеръ и безплодна,
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.

Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ.

Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ;
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ! —
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Что жъ новаго? — «Ей Богу, ничего.»
— Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно ли, отъ друга своего
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово....
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

Рифма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ты умолкла, улетѣла,
Измѣнила навсегда!

Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала

Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива,
Съ нею спорила шутя.

. . . .

Сколько разъ повиновался
Рѣзвой прихоти твоей,
Какъ любовникъ добродушной,
Снисходительно послушной

. . . .

О, когда бы ты явилась
Въ дни, какъ еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
И какъ пышно бы блистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Ѳебъ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во мракѣ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ,
Навѣщать его не смѣли —
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!

Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина лишь одна
. . . . . . притекла
. . . .»

ЭКСПРОМПТЪ.

(Е. Н. УШАКОВОЙ.)

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ;
Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?

1829 г.

ПРИМѢТЫ.

Я ѣхалъ къ вамъ : живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ *) ретивой.

Я ѣхалъ прочь : иные сны....
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечтанью вѣчному втиши
Такъ предаемся мы, поэты ;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души !

---

*) Въ Подснѣжникѣ 1829 : «мой путь».

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ;

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго *) Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ.... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

23 Декабря 1829.

---

*) Въ Моск. Вѣстникѣ: «недвижнаго»

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
  Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
  Я привезъ тебѣ поклонъ....

Какъ прославленнаго брата,
  Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
  Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
  Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
  Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
  Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
  Виноградниковъ твоихъ.

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка

Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-Французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-Англійски, предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ....
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! Не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой!... Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады:
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;

И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной....
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 Сентября.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачую келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!...

20 Сентября.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,

И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ
Небесъ жилецъ.

29 Октября.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ, не суйся къ *лавѣ!*
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ....
Посмотрите: каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

7 Сентября.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ,

Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

ОТРЫВКИ.

1.

Былъ и я среди Донцевъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку.
Дома.... въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку —
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку....
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку.

2.

Критонъ роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія....
Однажды — слушайте, друзья!
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая....

14 Іюля.

3.

Напрасно видишь тутъ ошибку;
    Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
    И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ.
    Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
    Въ лицѣ и въ жизни *арлекинъ*.

4.

Зорю бьютъ.... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;

На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ....
Звукъ далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я.... давнишнею.... порой!...

(ИЗЪ ГАФИЗА.)

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
Азраилъ, среди мечей
Красоту твою замѣтитъ —
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

5 Іюля 1829. Лагерь при Эвфратѣ.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ,
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окоститъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,

И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
Надосугѣ помышлять! *)

То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошолъ же, погоняй!...

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли мятель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и позлней ужъ порой
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ:

«Объ отставкѣ, объ невѣстѣ,
О деревнѣ помышлять!»

Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу — глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко.... Я книгу закрываю:
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У Музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ.... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную: тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы,
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шепотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтряныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!

Но бури Сѣвера не вредны Русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва Русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

2 ноября.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель —
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ.... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!

Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ....
Поэтомъ.... забывался я!

И славныхъ лѣтъ, передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены Великою Женою
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!

14 декабря 1829 С. Петербургъ.

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце — день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный,

Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры,
Навстрѣчу Сѣверной Авроры
Звѣздою Сѣвера явись!

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла —
А нынче.... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю,
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ.... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь.

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

26 Декабря 1829 года.

С. Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ.

Е. Н. УШАКОВОЙ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ.)

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой *).
Вы сами знаете давно
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида,
Что легкимъ станомъ вы Сильфида,

*) Въ Галатеѣ: «модой».

Что ваши алыя уста.
Какъ гармоническая роза....
И наши рифмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета.
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ —
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ,
Авось на память поневолѣ
Пріидетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.

ЗАГАДКА.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ БРОНЗОВАГО СФИНКСА.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой ѵгадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя : хитрый Эдипъ, разрѣши.

КЪ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и пирахъ ;

Ты St.-Priest въ карикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;
Ты простр́ѣленъ на дуэлѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ —
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ.
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я!
За то, какая сортировка!
Вотъ Г—а, Божія коровка,
Вотъ Каченовскій, злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ, Россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ, чорная мурашка,
Вотъ Раичъ, мелкая букашка. *)
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ

*) Въ Подснѣжникѣ:
«Вотъ *** тощая піявка
Вотъ *** мелкая казявка»

Они, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ:
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ, —
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подалъ онъ на ценсора доносъ;
Но ценсоръ правъ; намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: *такой-то де-старикъ*

Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ и подлъ — все это будетъ личность;
Но можете печатать, напримѣръ,
Что *«господинъ парнасскій старовѣръ*
Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

2.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ, *)
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ. Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Расписался мой дуракъ?

3.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
Пятнадцать. — «Только-то? Эй, розгу!
Засимъ принесъ семинаристъ

*) Въ М. Телеграфѣ: «На Сатира я напалъ».

Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

САПОЖНИКЪ.

ПРИТЧА.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лице не много криво....
А эта грудь не слишкомъ ли нага.»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
Суди, дружокъ, не свыше сапога.
Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій
Проигрывалъ ты кучки ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту — на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.

Рѣшилъ Фиглярииъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ мѣщанинъ.
Кто жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ — на мѣщанской дворянинъ.

1830 г.

ОТВѢТЪ.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ.... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! Въ Москву, въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтряности милой,
Ни Музъ, ни Пресни, ни Харитъ.

СТАНСЫ.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ.
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

19 января 1830. С. Петербургъ.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, віясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О какъ милѣе ты смиренница моя,
О, какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ —
И дѣлишь наконецъ мой пламень по неволѣ.

КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ Н. Б. ЮСУПОВУ, ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.)

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ

Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль! Счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодый увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтрянымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ,
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной Аѳею иль Деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ, и, не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ....
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки.
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащёмъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,

И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причётъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти,
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты Музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой,
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,

Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для Музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То Консулъ молодой, то сумрачный Диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

Москва. 1830.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

(И. А. ГУЛЬЯНОВУ.)

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, Музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душею умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ —
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра, если онъ

Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ.» Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно....
. . . .

ПОЭТУ.

(сонетъ.)

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;

Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

1 іюля 1830.

МАДОНА.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою *) обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель —

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

8 іюля.

*) До изданія 1832: «мою.»

СОНЕТЪ.

(с о н е т ъ.)

Scorn not the sonnet critic.
WORDSWORTH.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.

И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы, въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,

Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Другъ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,

Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

Поэтъ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ тѣнь зари.

Другъ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой?
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя,
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя —
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой во слѣдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

Поэтъ.

Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,

Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Раждаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Другъ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы — его раздался гласъ: *)
И гдѣ жъ очарованье свѣта?...

*) Mémoires de Bourienne. Бурьенъ въ «Запискахъ» своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. «J'affirme,» говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré.

Поэтъ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!

Другъ.

Утѣшься....

Москва, 29 сентября 1830 года.

ЭЛЕГІЯ.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья;
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,

И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

8 сентября.

БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... — «Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;

Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали.... — Что тамъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь- динь....
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

7 Сентября. Болдино.

ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

. . . .
Какъ быстро въ полѣ вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая стучитъ!
. . . .
Какъ онъ взвился, ретивый, смѣлый
Черезъ потокъ оледенѣлый!
. . . .
Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.
Ланиты жарче вешнихъ розъ
Играютъ холодомъ и кровью.
. . . .

ОСЕНЬ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель — вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ водъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,

Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь ; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи ;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя —
Иной въ насъ мысли нѣтъ ; и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно ;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно :
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,

Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва,
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ,
Она жива еще сегодня — завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ Русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ.
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаисмъ.)

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздольи открытомъ
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ

Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рифмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но чу.... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Плыветъ.... Куда жъ намъ плыть?

. . . .

КАПРИЗЪ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
И пѣсенькою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея,
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ, несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ изъ дали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

1 октября 1830. Болдино.

НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепотъ?
Укоризна, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу....

Октябрь 1830. Болдино.

РАЗСТАВАНЬЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой,
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для своего поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

8 октября 1830. Болдино.

ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'age de Cherubin....

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ, ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна....
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

1 октября 1830.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала,
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья....
Но жду его: онъ за тобой!...

27 ноября 1830. Болдино.

ПѢСНЯ.

Here's a health to thee Mary.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери
Солнце жизни моей!

Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней·
Пусть не вѣдаетъ Мери.

РОМАНСЪ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ,
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

ПОДРАЖАНІЯ ДАНТУ.

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья;

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлые какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ

Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры —

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ раждались па глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой —
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной,

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ — лживый, но прекрасный.

. . . .

II.

И далѣ мы пошли — и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?

Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ,
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ

И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О, еслибъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ,

«О, еслибъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
«Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ — я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я (о диво!) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ —
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ — и я узрѣлъ себя въ подвалѣ.

III.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра —
И разлегалася надъ темною равниной;

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями.
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ —
И обѣ сидючи пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ —
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ — смущеніемъ томимъ.

. . . .

НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

1830. Москва.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ.
Смотри пожалуй, вздоръ какой!
. . . .

. . . .
Родовъ униженныхъ обломокъ
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ —
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

. . . .

Мой предокъ, ради славы бранной,
Святому Невскому служилъ;
Его потомство, Гнѣвъ вѣнчанный,
Иванъ Четвертый пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на Царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ —
Мы къ оной руку приложили;
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили;
Но я — я темный мѣщанинъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ,
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.

. . . .

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ;
Я не якшаюсь съ новой знатью
И крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я просто Пушкинъ — не Мусинъ,

Я самъ-большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

В.... Ф...., сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля.

Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ
И сходно купленный арабъ
Возросъ усерденъ, не подкупенъ,
Царя наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.

. . . .

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ

На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ.... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ-налету вихорь шумный....
Погибъ и кормщикъ и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

О муза пламенной Сатиры!
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ, *)
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда!
А если же кого забуду —
Прошу напомнить, господа!

*) Варіантъ изъ списка: «Не безотвѣтнымъ рифмачамъ.»

О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила,
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! Не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.

Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла *) сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва расла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи; **)
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

---

*) Въ Сѣв. Цвѣтахъ: «приняла.»

**) Въ Альціонѣ:
«Слышу божественный звукъ воскреснувшей Эллинской рѣчи.»

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Куда же ты? — Въ Москву, чтобъ графскихъ имянинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь. — Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза:
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа
Бывало, сиживалъ покорный твой слуга.
Что, братъ? ужъ не трунишь, тоска беретъ — ага!

10 октября 1830.

1831 г.

КРАСАВИЦА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей :
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей ;
Она кругомъ себя взираетъ :
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердце ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье ;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты,
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага,
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ....
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?

За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 Августа. Село Царское.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;

Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!...
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь —
Хмельна для нихъ Славяновъ кровь.
Но тяжко будетъ имъ похмелье;
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ Сѣверныхъ полей!

Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ.
Но знайте, прошеные гости!
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!...»
Сбылось — и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ

Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ,
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители Палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще ли Сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?

Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали —
И Польши участь рѣшена....

Побѣда! Сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

---

19 ОКТЯБРЯ 1831 Г.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья?... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душею часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;

Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой; —
И всѣхъ мы братски поминали.

И, мнится, очередь за мной....
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсень молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній....

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившимъ пѣснь окончилъ я:
Живыхъ надеждою поздравимъ —
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять —
И новыхъ жертвъ ужъ нестрашиться.

ЭХО.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,

Поетъ ли дѣва за холмомъ —
        На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
        Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
        И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва.... Таковъ
        И ты, поэтъ!

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю —
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій,
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья —
Уныло слушаешь меня.

Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,

И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ, и поздній ропотъ....

1832 г.

РОДРИГЪ.

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился Королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе брега —
Царство Готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѳы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый Короля.

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

На послѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню —
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;

Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ,
Всѣ толпой бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ —
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ —
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ — а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,

За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился Королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И Король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему Угодникъ:
Встань — и міру вновь явись.

Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой.

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился Король....

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой

Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!... Уже ль не можно мнѣ,
. . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все.... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

27 октября 1832.

А. Д. БАРАТЫНСКОЙ.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли — съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

. . . .

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ имянины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнассѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный —
И какъ дитя была добра,

Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло.
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

16 марта 1832.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ;
Всегда въ немъ грустно я живу —
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

1.

(ИЗЪ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО.)

Чистый лоснится полъ; стекляныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды

Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой — все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

2.

(ИЗЪ АѲЕНЕЯ.)

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ,
Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И вдохновенный, нарекъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Ватала онъ, молодаго красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

3.

ВИНО.

(Іонъ Хіоскій.)

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ Еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой Еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.

Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь. — Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ — семья вздрогнула.
Младой Еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ —
И входитъ незнакомый странникъ....

1833 г.

ВОЕВОДА.

(ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.)

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ.... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.

И мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ....
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ,
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора:

Я васъ, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... Я жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ,
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ — и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платье, видятъ, панна —
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье —
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

«Я скакалъ — во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»

— «Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку.... Наводи....
Цѣль ей въ лобъ, лѣвѣе.... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся....
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

(ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.)

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
До точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода,
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестутъ-воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ Литовскіе боги!).
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта —
Янтарю — что песку тамъ морскаго.

Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха :
    Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо ; но ужъ вѣрно оттуда
    Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы.
    Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
    Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки !

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
    И оттуда привезъ себѣ жонку ;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
    Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
    Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ ; ни одинъ не приходитъ.
    Будрысъ думалъ : ужъ видно убиты !

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
    И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили ? что тамъ? Ге — не рубли ли?»
    — Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
    Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое ? Не сукно ли цвѣтное ?»
    — Нѣтъ, отецъ мой, Полячка младая. —

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
    Черной буркой ее прикрываетъ.

Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ нехочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

28 октября.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!»

«Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

«Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой....
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

«То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

«Ей ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой*.
Однимъ, однимъ не хороши....»
— А чѣмъ же? разскажи служивой. —

Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

«Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

«Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

«Напьюсь — уложитъ, и сама
Опохмелиться приготовитъ;
Мигну бывало: эй, кума! —
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

«Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

«Зачѣмъ бы ей, подумалъ я,
Вставать до пѣтуховъ! Кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя!
Куда ее лукавый носитъ?

«Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря

(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря),

«И слышу! кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

«Эге! смѣкнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ — и вижу: склянка.

«Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! Я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лаханкой.

«Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало:
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.

«Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь не вѣрь —
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

«Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

«Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

«Я плюнулъ и сказать хотѣлъ....
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! — Но я, не струся:

«Домой? да, чорта съ два! Почемъ
Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный. —

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ, ты, дура!

Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура!

«Коня! — На, дурень, вотъ и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

«Садись. — Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»

И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.»

СТРАННИКЪ.

(ИЗЪ БУНЬЯНА.)

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой
Незапно былъ объятъ я скорбію великой

И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обрѣченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ —
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище — а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли,
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.

Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я тоже,
Что прежде говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились,
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить — уныньемъ изнывая
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный —
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «Не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.

Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно отверзтымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ — сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ — онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Доколѣ оныхъ вратъ еще ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались — но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй войти, оставя тѣ мѣста,
Спасенія путемъ въ таинственны врата!...

26 іюля

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда бъ оставили меня

На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

Силенъ и воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ;

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя прійдутъ.

А ночью слышать буду я,
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ — наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ —
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ....

1833. Дорога. Сентябрь.

1834 г.

МИЦКЕВИЧЪ.

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ — и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта

Доходитъ къ намъ!... О Боже! Возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!

10 Августа 1834. Спб.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали....
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ «ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.»)

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

1835 г.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Рускаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.

Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.

Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ — густая мгла;
За нимъ — военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье —
Но Доу далъ ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;

И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко, —
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! —

. . . .

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 Апрѣля 1835, св. Воскр. Спб. мятель и морозъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны

предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однако жъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны,

оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптал народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицемъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ....

Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ....
Возстань, спасай Царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись, вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

Явись и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ....
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ....

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
А алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 Апрѣля 1835.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пируетъ Царь великій
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?

Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русскій Царь?
Родила ль Екатерина?
Имянинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая Жена?

Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,

Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Оттого-то шумъ и клики
Въ Петербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

. . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто

Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ *
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась,
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,

*) Въ Современникѣ:
«Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ.»

Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ,
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися — и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

26 сентября 1835 года.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЕВОЙ ОДѢ:

(AD POMPEJUM. II. Ч.)

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мvррромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросся щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился....
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!

Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій Скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не Скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно;
Нѣтъ! За чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

(ОТРЫВОКЪ.)

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврáмъ;
Узнаемъ Парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ....
Въ нихъ сіяетъ пламень томный —
Наслажденій знакъ нескромный.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая
Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

ОДА LVI (ИЗЪ АНАКРЕОНА.)

Поредѣли, побѣлѣли
Кудри — честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,

Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

Юноша! Скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

МАЛЬЧИКУ.

(ИЗЪ КАТУЛЛА.)

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Председательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

От҄ меня вечор҄ Леила
Равнодушно уходила
Я сказал҄: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчал҄: всему пора!
То, что было мускус҄ темной,
Стало нынче камѳора.
Но Леила неудачным҄
Посмѣялася рѣчам҄
И сказала: знаешь сам҄,
Сладок҄ мускус҄ новобрачным҄,
Камѳора годна гробам҄.

Не розу Паѳосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу Ѳеосскую,
Вином҄ окропленную,
Стихами хвалю:
Но Розу счастливую,
На персях҄ увядшую
Элины моей....

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись, на вѣкъ ты мой!
Тотъ же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ —
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

1836 г.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу —
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи,
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!)
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ —
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть да бѣжать.

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,

Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лезетъ блѣдный воръ.
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами
Колеблясь и шумя....

14 марта 1836. Каменный Островъ.

ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ:
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ изъ-подлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, Сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ — Идеалъ, тамъ Ніобея — Печаль....
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

25 марта.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКОМУ.

(ИЗЪ ФРАНЧЕСКО ДЖІАНИ.)

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной....
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательную ночь лобзавшія Христа.

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,

Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви,
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.»

22 іюля 1836.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножія теперь Креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
. . . .
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
. . . .

1 іюня.

(ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.)

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать ...... другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая ценсура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль — *слова, слова, слова!* *)
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода....
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними.... Никому
Отчета не давать, себѣ лишь самому
Служить и угождать; ....
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья —
Вотъ счастье! вотъ права!...

5 іюля.

---

*) Hamlet. Пр. Пуш.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсень раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Уже ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей,
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага.
И заревомъ Московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался:
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!

Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его — и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь, безстрашный и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ....
. . . .

ПАМЯТНИКЪ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божiю, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету прiемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

БОЖЕ! ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли:
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.
Тамъ громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь — безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань.

Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

ОСГАРЪ. 1814

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегѣ угрюмомъ;
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Въ дали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.
Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ Барда стараго — веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.
«Стой, путникъ, стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ — и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней, главы окровавленны

Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
— Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщалъ иноплеменный,
И Барду посохомъ на берегъ указалъ.
Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный.
О, рано юношѣ насталъ послѣднiй часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!
Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину;
Неразъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечернiй свѣтъ луны, скользящiй на долину,
И тѣнь упадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!...
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!...
Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой,
И шепчетъ: «юный другъ, немедли, здѣсь твой милой!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ воютъ —
«Уже ли спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»
Онъ въ третiй разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шат-
нулась;
Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный что жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
Онъ зритъ — въ объятiяхъ измѣнницы Звигнелъ!

И ярость дикая во взорахъ закипѣла;
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечъ извлекъ — и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!
Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ;
«Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ.»
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
Исчезло сладкое на вѣкъ очарованье!
Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.
И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ,
Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій.
Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала:
Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ;
Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ!
Побѣгли вспять враги — и тихій миръ герою!
И тихо всевокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,

На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.

ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный;
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:
«Прійди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣднѣла;
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Прійди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгоритъ!
Бѣги, Осгаръ! Твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!
Что жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.

Но, чу.... идутъ — такъ, это другъ надежный!
Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгоритъ.»
  Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
«Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!»
— «Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
Страшись меня: я страстью воспаленъ;
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара.» —
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.
  Услышала Эвлега стукъ мечей,
И бросила со страхомъ хладъ пещерной.
«Прійди узрѣть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
«Измѣнница! Ты здѣсь его зовешь?
Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга:
Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь.»
  Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Мятелицей отторженный отъ скалъ!
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ:
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ —
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ!

ЛЕДА.

(КАНТАТА.)

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.
Житель рощи, торопливый,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!
Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышитъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.
Въ рощѣ шерохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ;
Нимфа далѣе ступаетъ,
Робкой ввѣрившись волнѣ.
Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ воспшумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло;
Невольно вздрогнула, не въ силахъ вздохнуть;
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,

Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь;
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольцы шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ:...
Леда смѣется,
Вдругъ раздается
Радости кликъ....
Видъ сладострастный:
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ,
Слышно стенанье;
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.
Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая.
И что жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
Межъ ними юная любовь,
И пала таинства прелестнаго завѣса!
Симъ примѣромъ научитесь
Розы-дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:
Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ;
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
Симъ примѣромъ научитесь,

Розы-дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ. 1815

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой!
Скажи люблю — и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Киприлой.
«Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
А плутъ Эротъ: «скажи, ты сердцу милъ!»

Ты сердцу милъ! пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись.
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ:
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ;
«Учись отъ нихъ», Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,

И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала....
«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ;
Разсудокъ что жь? Разсудокъ ужъ молчалъ.

КЪ ДЕЛІИ.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса,
Звѣзда любви златая,
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И сонъ сомкнулъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой,
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинутъ тѣни нощи
Покровы намъ свои,
И дремлютъ сѣни рощи,
И быстро мигъ любви
Летитъ — я весь горю желаньемъ:
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Спѣши въ объятія мои!

ДЕЛІЯ.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ;
Но тебя, подруга,
Все жъ не позабылъ;
И твердитъ унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей....
Делія стыдится....
Что теперь сравнится
Съ долею моей?

КЪ НАТАШѢ.

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней, позднею порой,
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

КЪ НАТАЛЬѢ.

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ, да попѣвалъ;
Какъ въ театрѣ, и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я — Селадонъ!
Миловидной жрицы Тальи,
Видѣлъ прелести Натальи,
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!
Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ;
Въ первый разъ еще (стыжуся)
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,

Лишь тобою занятъ я;
Ночь прійдетъ — и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ.
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ,
Будто милая со мной:
Робко сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной!
И полуотверзты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!...
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю....
И проснулся; вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой.
Испускаю вздохъ глубокой;
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится;
И, любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ —
Все къ чему-то умъ стремится.
Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный Селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:
Не владѣтель я сераля,
Не Арабъ, не Турокъ я;
За учтиваго Китайца,

Грубаго Американца
Почитать меня нельзя;
Не представь и Нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой пивомъ налитою
И съ цыгаркою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки.
Кто же ты, болтунъ влюбленный?...

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ;
Тебѣ немного Богъ послалъ;
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой.
Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи —

И такъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.
Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь;
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь, и часто, не впопадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ, кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.
Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или поднимешь ихъ, и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодаго,
Лепеча что-то не для насъ
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская: ахъ,
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша;
Всѣ шепчутъ: ахъ, какъ хороша!
Увы, другую бъ освистали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.
Плѣняй же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь, о любви поетъ
Въ стихахъ и прозою, на сценѣ

Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

КЪ МАШѢ.

(СЕСТРѢ ДЕЛЬВИГА.)

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.
Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить.
Еще семь лѣтъ — и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.
Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть,
И жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ летѣть.
И ужъ не вспомните поэта....
О Маша, Маша, поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не зная съ Аполлономъ
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро;
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой какъ, стихи на имянины!
Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,

Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенькой поздравитъ....
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ....
Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда Стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ.... Эллены на грудяхъ!

ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной:
И пѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнутъ смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.

Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертію души моей —
Безсмертіе своихъ твореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленной;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

ВОСПОМИНАНІЕ. 1815

(къ пущину.)

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?
Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?
Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,

Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?
Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали:
И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо;
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья,
Сладкой Вакха заговоръ!
О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ.

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я!

Всечасно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.
Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.
Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!
Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

СТАРИЦА-ПРОРОЧИЦА.

(БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ.)

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ;
Подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ,
Молвилъ слово ей съ поклономъ:
«Загадай ты мнѣ на счастіе,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркаютъ,
Плачетъ въ теремѣ невѣста!»

— «Гой еси ты, красный молодецъ!
Есть одна теперь невѣста,
Есть одна — Святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами,
И омойся алой кровью.
Обручися ты съ невѣстою:
За Шалонью ляжь костями.
Если ты мечемъ не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вѣче, не на родину —
А прійдешь ты на неволю!»

Трубы звучатъ за Шалонью рѣкой:
Грозно взвѣваютъ Московскіе стяги!
Съ радостнымъ кликомъ Софіи Святой
Стала дружина и, — полный отваги,
Ринулся съ берега всадниковъ строй:
Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли;
Двинулась пѣна сѣдая грядой;
Строи смѣшались; мечи загремѣли;
Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ;
Съ трескомъ въ куски разлетаются брони....
Кровь потекла.... Разъяренные кони
Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ;
Стелятся трупы на берегъ Шалони....
. . . .
. . . .
Кровью дымилося поле; стихалъ
Въ стонахъ прерывныхъ, и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не услышалъ!...

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Не пройдетъ ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ!
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило,
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью....
Что, прошелъ ли добрый молодецъ?
Не прошелъ ли онъ чрезъ Волховъ?...

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый —
Мечемъ уложу.

Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь....

Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

СИРОТКА.

Мнѣ стала извѣстна
И какъ интересна,
Сиротка одна!
Не ловко признаться,
Легко догадаться
Гдѣ встрѣтилъ. Она
Чертами нѣжна.
На свѣтъ создана
Порой заблужденья;
На алыхъ устахъ,
На бѣлыхъ плечахъ
Сулитъ восхищенье.
Задумчивый цвѣтъ
Къ ненастью привыкшій,
Съ головкой поникшей,
Шестнадцати лѣтъ,
Дитя наслажденья
Въ ней все восхищенье
(Въ томъ шлюсь на иныхъ)

И ножка, и очи —
Задатокъ для ночи
Восторговъ прямыхъ!

КЪ Е * * * ВУ.

Страдалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нея очей.
Какъ Танталъ, жадно ловишь звуки
Ея младенческихъ рѣчей.

Невнятны ей твои страданья,
Языкъ любви ей не знакомъ,
Ей не понятны ни стенанья,
Ни блѣдность на лицѣ твоемъ.

Когда въ порывѣ страсти бурной,
Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
Ее пугаетъ взглядъ безумный
Мгновенный блескъ твоихъ очей.

Холодная къ твоей печали,
Ея душа тиха, ясна,
Какъ водъ въ недвижимомъ кристалѣ
Съ небесъ глядящая луна.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(ИЗЪ ШИЛЛЕРА.)

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.

Влажно зернистый
Выжми лимонъ:
Ѣдкая сила —
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихо водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію — жизнь.

Только кипучій
Ключъ утолитъ,

Прежде чѣмъ стихнетъ —
Черпай его!

КЪ ИМЯНИННИЦѢ.

Хотя стишки на имянины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть;
Но я вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной,
Готовъ и ими вамъ служить....
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили *благодатью!*
Нѣтъ, нѣтъ, по мнѣнью моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И ножка (смѣю вамъ сказать) —
Все это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

(1824—1826.)

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приблизься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту!
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ —

Въ восторгѣ сладостномъ погасъ —
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*.

(1826.)

Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая гривой пыль и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ!

ЭПИГРАММЫ.

I.

Лизѣ страшно полюбить —
Полно нѣтъ ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть,
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами
Кто бы ей помогъ упасть.

(1828?)

II.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленомъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой,
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ѵжицу живой.

(1828?)

III.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ;
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? въ шустеръ-клубѣ,
Или на Красномъ-кабачкѣ?

(1822?)

IV.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнассѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.

V.

Повѣрьте мнѣ — Фигляринъ моралистъ
Намъ говоритъ преумиленнымъ слогомъ:

Не должно красть; кто на руку нечистъ
Передъ людьми, грѣшитъ и передъ Богомъ.
Не надобно въ судѣ кривить душой,
Не хорошо живиться клеветой,
Временщику подслуживаться низко;
Честь, братцы, честь дороже намъ всего! —
Ну, чтожъ? Богъ съ нимъ! Все это къ правдѣ близко,
А кажется и ново для него.

(1830?)

VI.

Глухой глухова звалъ къ суду судьи глухова.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова.»
— «Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ,
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.» —
Судья рѣшилъ: «Почто итти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!»

VII.

Невѣдомскій поэтъ, невѣдомый ни кѣмъ
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

VIII.

Съ мольбой, съ зажженною свѣчою
Паду передъ иконою святою:
Спасенъ я промысломъ благимъ —
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель докторомъ моимъ.

ОНА.

«Печаленъ ты, признайся, что съ тобою?»
— Люблю мой другъ! — «Но кто жъ тебя плѣнилъ?»
— *Она*. — «Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лила?»
— О нѣтъ — «Кому жъ ты жертвуешь душою?»
— Ахъ, *ей* — «Ты скроменъ другъ сердечный!
Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно....»
Не то, мой другъ! — «Но что жъ?» — Я *ей* не *онъ!*

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за что философы, піиты
На *твой* и *мой* давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но и бранить причины не имѣю

То, что даритъ мнѣ радость и покой.
Что, ежели бъ ты не была *моею?*
Что, ежели бъ я не былъ, Ниса, *твой?*

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ.
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
И всюду онъ гусаръ.

ЭКСПРОМТЪ НА А.

Въ молчаньи предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоритъ воображенье.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:

Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.

ЭПИТАФІЯ.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

ИМЯНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Имянинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Имянинникъ буду я?

ЛИЛѢ.

Лила, Лила, я страдаю
Базотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,

Гасну пламенной душой,
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

К. А. Б***.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ я скажу все тоже.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ — и въ Лету
Бухъ!

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный;
Онъ важно судитъ обо всемъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ — и слава Богу!

Какъ брань тебѣ ненадоѣла!
Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ, я празденъ, я безъ дѣла,
А ты бездѣльникъ дѣловой.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюнею бѣшеной собаки.

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человѣкъ *пустой*.»

Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядный?
А, понимаю: самъ собой;
Ты полонъ дряни, милый мой!

«Скажи, что новаго? — Ни слова. —
«Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
— О братецъ! отвяжись: я знаю только то,
Что ты дуракъ, но это ужъ не ново.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

НАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМЪ (ВЪ ЕГО МОЛОДОСТИ) КЪ ОДНОМУ ТОВАРИЩУ ЕГО ПО ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ (БАРОНУ П. Ѳ. ГРЕВЕНИЦУ.)

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.
Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.
Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbone —

Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.
  Ma taille à celle des plus longs
Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.
  J'aime et le monde, et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises et débats,
Et tant soit peu l'étude. —
  Spectacles, bals me plasent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.
  Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.
  Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie, —
Ma foi — voilà Pouchkine.

COUPLETS.

(ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.)

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traine sa phrase,

Quand on écoute un perroquet;
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir!

Mais tête-à-tête avec sa belle
Ou bien avec de gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvele,
On est content, l'on chante, on rit:
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir: —
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage,
Et tout s'écoule avec le temps.
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printems;
Trop tot il fuit, riant sous cape —
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tot ou tard on va là haut.
Souvent — le cas n'est pas si rare
Hazard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va, frappant à d'autres portes,
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse,
En lassant mes chers auditeurs...
Allons, je descends du parnasse,
Il n'est pas fait pour les chanteurs.
Pour des couplets mon feu s'allume
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez — adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

ЭГЕЛЬСТРОМУ.

(1818 г.?)

О, Эгельстромъ! я восхищенный
Читалъ творенія твои:
Твои стихи, лишь геніемъ внушенны,
Блестятъ какъ солнце въ ясны дни.

Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.

Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.

Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,

Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь —
Тогда стонаетъ все съ тобой.

Когда комедіей плѣнять насъ хочешь,
Что твой Мольеръ и что Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь....
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!

Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ твой каждый стихъ.
Скажи почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?

Пусти въ печать твои творенья,
Заслужишь множество вѣнцовъ —
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ! Ты царь пѣвцовъ.

ЭКСПРОМПТЪ

(НАПИСАННЫЙ, ВѢРОЯТНО, ВЪ 1833.) *)

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ

*) Для объясненія этого стихотворенія помѣщаемъ въ нашихъ «Приложеніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина», разсказъ М. Н. Лонгинова о обстоятельствахъ и лицахъ, по поводу которыхъ написана эта шутка. (Изъ Библ. Записокъ, I. стр. 494).

Длинный князь играетъ въ *эти*,
Тѣ, *тѣ*, *тѣ* и *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*.

Черноокая Р. . . . . . .
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила *эти*
Тѣ, *тѣ*, *тѣ* и *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*.

О какія же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Рифмы, деньги, дамы *эти*
Тѣ, *тѣ*, *тѣ* и *тѣ*, *тѣ*, *тѣ*.

КЪ ГР. КОЧУБЕЙ.

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ....
Но васъ я вижу, вамъ внимаю....
И что же? слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ на вѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

ЦИКЛОПЪ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

ОТРЫВКИ

и

НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

1.

Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни удивленья, ни напѣва,
Ни нуждъ, ни смѣха, ни труда.
Глупецъ кричитъ. «*Куда, куда?*
Дорога здѣсь» — но ты не слышишь.
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
Тебѣ награда — имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ — рабынѣ суеты....

2.

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной:
— «Смотрите! Вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной

Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна:
Смѣшной и суетной вамъ кажется она;
Зачѣмъ же пишете?» — Я? Для себя! — «За что же
Печатаете вы?» — Для денегъ! — «Ахъ, мой Боже!
Какъ стыдно!» — Почему жъ?...

3.

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!

Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты....
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!...

(1823?)

4.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій....

(Вѣроятно 1821 года.)

5.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ КЪ МАТЮШКИНУ.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ?
Давно ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой...

6.

Везувій зѣвъ открылъ — дымъ хлынулъ клубомъ, пламя
Широко развилось какъ боевое знамя. . . .
Земля волнуется . . . . съ . . . . колоннъ
Кумиры падаютъ! . . . . стонъ
. . . . . народъ, гонимый страхомъ
(Подъ каменнымъ дождемъ) . . . . .
И воспаленнымъ прахомъ
Бѣжитъ . . . . пожаръ блеща . . . .

7.

Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
Ходитъ Весперъ золотой,
Старый Дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ Догарессой молодой.

8.

— «Послушайте, я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое
И наконецъ про Грознаго Царя» —
Эхъ, бабушка, затѣяла пустое!
Окончи лучше намъ «Илью-богатыря» *)

9.

«Что козырь?» — Черви. — «Мнѣ ходить.»
— Я бью. — «Нельзя ли погодить?»
— Беру. — «Кругомъ насъ обыграла:
Эй, смерть, ты право сплутовала.»
— Молчи! ты глупъ и молоденекъ:
Ужъ не тебѣ меня ловить;
Вѣдь мы играемъ не для денегъ
А только вѣчность проводить!

(1823?)

10.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!

*) По замѣчанію П. В. Анненкова, эта шутка написана была еще въ Лицеѣ, и заключаетъ въ себѣ намекъ на сказку Карамзина: «Илья Муромецъ».

Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь,
То чудится тебѣ . . . .

11.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.

Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

Мордвиновъ! Не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцыта.
Ты лиру оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Піита!...

Какъ славно ты сдержалъ пророчество его
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,

Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукій!

Такъ . . . . съ вершины горы скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ мутясь
И увиваются, и плещутъ!

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ
Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою....

(1825?)

12.

Ты правъ, мой другъ — напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ, безпечныхъ Музъ удѣлъ.
И наслажденье лѣнью сонной.

Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтряные годы,
Я вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Но все пропало!.., рѣзвый нравъ....

Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ.
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ Кавказскихъ каменѣетъ.

13.

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ Россіянъ
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ....

(1822?)

14.

Когда Владыко Ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край Азійскій
Его денницѣ покорилъ, —
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ Сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ.... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,

Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему Всевышній Царь.

Пришелъ Сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ : ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота,
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ!

Сатрапъ смутился....

15.

Печаленъ будетъ мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостномъ унылъ —
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликованье.
Но быстрой, быстрой чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье — тихою тоской,
Печаль — восторгомъ упоенья.

16.

Блеститъ луна, недвижно море спитъ,
Молчатъ сады роскошные Гассана;

Но ктоже тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арабъ-евнухъ, гарема стражъ сѣдой,
И съ нимъ его товарищъ молодой.
«Недугъ любви, недугъ тоски душевной
Не отъ меня сокроешь ты.
Твой мрачный взоръ, твой ропотъ гнѣвный,
Твои свирѣпыя мечты
Уже давно мнѣ все сказали....»

17.

Французскихъ рифмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густаго парика,
Хотя растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Уже ли все молчать, да слушать?.... О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые восчувствовавъ отвагу,

Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша,
Постойте! Напередъ узнайте чѣмъ душа
У васъ исполнена....

18.

СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО: «GONZAGO.»

Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала темны очи,
Удаляя грезы ночи.

И являлася она
У дверей, иль у окна
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.

Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,

Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,

На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

И пѣвалъ, бывало, ей
Предъ красавицей моей;
Она пѣснѣ улыбалась,
Но блаженство миновалось!

Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я.
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны,

19.

(ИЗЪ ALFIERI.) *)

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга Филиппу —
И сына я его любить дерзаю
Но какъ же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прелестной...

*) Монологъ Изабеллы изъ трагедіи: Филиппъ II.

Прекрасная душа!... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не должно мнѣ!... И онъ, какъ и другіе,
Обманется — и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня..... Увы мнѣ, бѣдной!...
Другаго нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ и слезы — преступленье!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ....
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь и взоръ — все можетъ. Ахъ, уйдемъ.

20.

Все жалобы, упреки, слезы — мочи нѣтъ;
Откланяюсь пока, она мнѣ надоѣла;
Къ тому жъ и безъ нее мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ
Подъ видомъ будто бы невиннаго гулянья.
Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
А, здравствуйте, maman. — «Куда же ты? постой.
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить.» — Я зналъ. — «Имѣй терпѣнье,

Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье....»
А въ чемъ же? — «Да во всемъ; во-первыхъ ты жены
Не видишь никогда — точь-въ-точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...»

21.

ПЕРЕВОДЪ XXIII ПѢСНИ АРІОСТОВА

ORLANDO FURIOSO. ОКТАВЫ 100—112.

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода —
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала,
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.

О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ....

102.

Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной,
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ
Соединенны вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень.... разумѣю:
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ»....
Такъ басней правду замѣня,
Онъ мыслитъ, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей павиликой
Завѣшенъ брегъ тѣнистыхъ волнъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,

Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зритъ надпись — въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ —
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-Арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни —
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дщерью Голофрона,
Любимой многими — порой
Я зналъ утѣхи купидона! —
Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной!

109.

«Господъ любовниковъ молю,
Дамъ, рыцарей и вельможныхъ
Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ Нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада.»

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ
Зналъ по-Арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и пять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть.
Онъ правду видитъ ясно.
И нестерпимая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —

И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь оперши́сь бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ П. В. АННЕНКОВА.

1.

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна;
Спрэва западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.

2.

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу — кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище,
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ
. . . . телѣга
. . . . стучитъ.

3.

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей,
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ....
Лучъ зари сіяетъ алой....
Серебрится снѣжный прахъ!

4.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди —
Ай люшеньки-люли! —
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица.»

5.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,

Какъ изъ царства восковова,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ разведать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ....
Распустятся клейкіе листочки....
Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

6.

Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ,
Тамъ часто я бродилъ уединенный,
И въ даль глядѣлъ.... и милой встрѣчи ждалъ.

7.

И чувствую, душа
Твоей любви, тебя достойна;
Зачѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и покойна?...

8.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей.

9.

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловитъ свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ,
И слѣдъ улыбки незабвенной.

10.

Два чувства дивно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

11.

Забылъ и рощу, и свободу,
Невольникъ — чижикъ надо мной:
Зерно клюетъ, и брызжитъ воду,
И пѣснью тѣшится живой.

12.

«Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.»
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произносилъ я горестныя пѣни:
«Все кончено» — я слышу твой отвѣтъ.

ОДА

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГР. ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ,

с примѣчаніями автора.

Султанъ ярится [1]. Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ [2] и кипитъ.
Открылись Грекамъ древни клады [3],
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питъ [4].
И се — летитъ предерзко судно
И мещетъ громы обоюдно :
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ — но недугъ быстропарный [5],
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!
Какъ *здѣсь* ты будешь *тамъ* сенаторъ,
Какъ здѣсь — почтенный литераторъ ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла :
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ! самъ.

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.

Онъ Лордъ — Графъ ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть —
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой [6]
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви — и наконецъ
Глубокъ онъ, но единобразенъ!
А ты глубокъ, игривъ и разенъ —
И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ.

А я — невѣдомый Піита —
Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ Піита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу
Да Бейрона онъ узритъ кущу [7].
И да блюдутъ твой мирный сонъ [8]
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Психа, Кронъ, Австрея,
Ѳебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

[1] Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

[2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоѣдову.

[3] Подъ словомъ *клады* должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

[4] Питъ, знаменитый Англійскій Министръ и извѣстный противникъ свободы.

[5] Горячка.

[6] Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою. (См. послѣд. замѣч. къ Одѣ: Заздрав. кубокъ).

[7] Подражаніе И. И. Дмитріеву:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

[8] Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-Пророка; Зевесъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Психа, во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Ѳебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго Піиты.

ПѢСЕНЬКА, ЗАПИСАННАЯ ПУШКИНЫМЪ.

Какъ за церковью, за нѣмецкою
Добрый молодецъ Богу молится:
Какъ не дай, Боже, молоду жену —

Молоду жену во честной пиръ зовутъ,
Меня молодца не примолвили;
Молоду жену — въ новы саночки,
Меня молодца на запяточки;
Молоду жену — на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточки.

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНІЙ. *)

---

*) Стихотворенія, ненаходившіяся въ прежнихъ изданіяхъ или напечатанныя здѣсь съ дополненіями — отмѣчены звѣздочкою.

Кр

Съ глу

и совершенн

имѣю бы

е

27 янв

1847.

глубочайшимъ почтенiемъ

ною преданностiю честь

ть

Милостивая Государыня

Вашимъ покорнѣйшимъ слу

А. Пушкинъ

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ.

Стр.	*строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
208	1	онъ	она
524	14	поредѣли	порѣдѣли

ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ТОМѢ.

272	11	что на полу	что на колу
414	13	Когда бъ я васъ обманывалъ	Когда бъ я васъ обманывалъ, Сеньора

ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ТОМѢ.

103	14	хладнокравно	хладнокровно

ВЪ ПЯТОМЪ ТОМѢ.

12	18	вопрекн	вопреки
15	14	иа	на
78-79	*перен.*	раходъ	расходъ
157	20	новыхъ	новымъ
»	25	полевой	Полевой
162	31	минуты	минутный
286	24	nomini	homini
457	11	Іюля 29	Іюня 29

ВЪ ШЕСТОМЪ ТОМѢ.

361	12	Каропольскій	Каргалинскій

